

Невский Дозор

Автор:

Игорь Аверин

Невский Дозор

Игорь Владимирович Вардунас

Никита Аверин

Дозоры

Странные дела творятся в городе на Неве. Невидимый грифон свил гнездо на башне в центре Аптекарского квартала. Загадочно улыбается статуя Сфинкса на невской набережной. Чьи-то заветные мечты исполняются на Крыше Желаний. Таинственные похищения и древние джинны, исчезновения детей и могущественные ведьмы – все, что является вымыслом для обывателей, для Степана Балабанова, штатного фотографа Ночного Дозора Санкт-Петербурга – обычная рутина. Специальные фильтры в камере позволяют ему отличать футбольных хулиганов от ведьмаков, а байкеров от перевертышей. Но сможет ли он сам отличить Добро от Зла и сделать единственно правильный выбор?

Никита Аверин, Игорь Вардунас

Невский Дозор

Автор идеи С. Лукьяненко

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© С. Лукьяненко, 2013

© Н. Аверин, И. Вардунас, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Данный текст негативно сказывается на деле Света.

Ночной Дозор

Данный текст позитивно сказывается на деле Тьмы.

Дневной Дозор

История первая

Ребус для фотографа

Пролог

Нажав на кнопку, отозвавшуюся синтетическим комариным писком, Петя вышел на улицу. Дверь за ним плавно захлопнулась, и тепло, густо висевшее внутри парадной, отрезало от обступившего мальчика внешнего мира.

Снаружи ждал город.

Поплотней натянув шапку, Петя задрал голову и посмотрел на черное беззвездное небо, резко очерченное границами кривовато слеplенного когда-то двора-колодца. Кое-где в окнах горел свет. Откуда-то слышалось приглушенное бормотание телевизора.

Мальчик вздохнул, и из его рта вылетел белесый клуб пара, медленно растаявший в остывающем сыром ночном воздухе.

Где-то там, высоко над ним, за стенами, отделявшими тьму от света, продолжал жить свой маленький уютный мир, в котором обитали люди – беседовавшие, ужинавшие или просто готовящиеся ко сну.

Петя поискал источник звука, как ему казалось, идущего от телевизора. В одном из окон, чуть выше квартиры, из которой он только что вышел, изредка мигал приглушаемый шторой тусклый голубоватый свет.

Новости, наверное, рассеянно подумал мальчик. Занятия в школе, несколько часов за компьютерной игрой в компании друга Кости и сытная еда давали о себе знать. Да и ему давно было уже пора ко сну. Петя зевнул и перевел взгляд.

А там, чуть пониже, из желтого прямоугольника помахала короткой ручонкой очерченная румяным светом фигурка Кости.

Петя помахал в ответ и посмотрел на наручные часы.

Нужно было спешить, родители и так будут недовольны. Благо идти недалеко.

- Ш-ш-ш... - шумели подталкиваемые ветром листья под ногами.

Поправив шапку и засунув руки в карманы курточки, Петя зашагал к арке, ведущей из двора на улицу.

Мама опять будет ругаться. Ничего. Что ж делать, если телефон не работает. Неужели сломался, тогда от родителей жди дополнительный нагоняй. Но они же знали, что он у Костика. Зато он навел друга, поужинал, а свою часть уроков сделает завтра, чтобы воскресенье было свободным. Делов-то. И поиграл. Классная игрушка, конечно!

Папу, естественно, на новую видеокарту развести не получится. Дождешься от них. Да ладно. Ему и своих игр хватало. А для новых впечатлений был Костик. Его друг.

Петя шел быстро, ежась на гулявшем ветерке, шустро переставляя ногами. К подошвам ботинок с хлюпаньем прилипали мокрые палые листья.

В конце приближающейся арки, забранной решетчатыми воротами с калиткой, было темно. С правой стороны на стене мерцал оранжевый отблеск стоявшего на перекрестке невидимого светофора.

Неожиданно мерцание прекратилось.

- Ш-ш-ш... малыш-ш-ш...

Петя замер в нескольких метрах от выхода.

- Слыш-шишь меня...

Ему показалось, или в шуме ветра и листвы вдруг почудился голос?

- С-сладкий мой...

Почувствовав мурашки, мальчик обернулся в сторону двора.

- Пойдем, с-с-со мно-ой...

Может, это приятель решил догнать его и подшутить? Хотя он не слышал, чтобы позади открывалась дверь.

- Костик, ты? - неуверенно спросил у пустоты Петя. - Выходи, хватит прикалываться...

Но Костик не вышел. И в этот момент Пете показалось, что вокруг вообще нет людей. Что неведомый голос звучит у него в голове.

Он посмотрел под ноги, листьев не было.

Но шепот повторился.

- Ш-ш-ш...

Петя повернулся к выходу на улицу, неторопливо преодолев последние несколько метров, открыл калитку, осторожно вышел из арки и поднял голову. Светофор не работал. Все три вертикально расположенных фонаря не горели, и казалось, что свет, всего несколько мгновений назад отбрасываемый на стену арки, происходил из какого-то другого источника.

Улица была пуста. К обочинам по обеим сторонам проспекта жались друг к другу припаркованные машины, вокруг было тихо, и тишину нарушал только шорох листьев, которые кружил по асфальту невидимый ветер. Тускло мерцали фонари.

- Не бойс-ся, малыш-ш-ш...

- Кто здесь! - не выдержав, крикнул Петя.

На противоположной стороне улицы за кованым заборчиком чернел небольшой сквер с облысевшими деревьями, и мальчику неожиданно почудилось, что ветки на них зашевелились, потянулись к земле, словно удлиняясь, и змеиными тенями поползли к нему через дорогу.

Петя отступил под свод арки, упершись рюкзаком в решетку, чувствуя, как внутри растет испуг. Что же это такое... Да обычные глюки, просто переиграли в игру, вот и все, постарался себя успокоить мальчик.

Но страх, подпитываемый пониманием, что он совсем один, с каждой секундой усиливался.

Сзади слышался шорох, и, обернувшись, Петя замер на месте. С противоположного конца арки на него надвигалась тьма, словно пространство сжималось, уступая место густой клубящейся черноте, сквозь которую еле угадывался оставшийся позади двор.

- Ш-ш-ш... не бойс-с-я-я...

Неожиданно включился светофор, освещая перекресток хаотично мерцающими тремя цветами.

Мальчик, не оглядываясь, побежал по проспекту.

Главное – добраться до дома. Здесь недалеко. Всего ничего... Только не останавливаться.

Мысли путались, в голову словно налили свинца.

- Не беги-и... иди ко мне...

Сорвав с головы промокшую от пота шапку, мальчик на бегу зажал уши руками.

- Останови-с-сь...

- А-а-а! – выронив пакет со сменкой, закричал Петя.

Дыхание сбилось. Мечущийся взгляд вырывал из реальности лишь рваные, несущиеся навстречу хаотичные фрагменты.

Вот с левой стороны к нему приближался невысокий помаргивающий рекламный стенд, на котором изображен популярный шоумен, рекламирующий сотовую связь. Актера мальчик узнал, мама любила смотреть с ним воскресное шоу.

Едва Петя поравнялся с ним, подсвечиваемое изнутри стекло вдруг со звонким хлопком лопнуло, обдав волной ломаного крошева, и мальчик упал, больно ударившись головой. В спину больно вонзились острые углы учебников, лежавших в рюкзаке.

- Эй, ты как, ушибся?

Петя открыл глаза, перед которыми плыли круги, и увидел девушку, которая с улыбкой склонилась над ним. Он прислушался к своим чувствам – вроде ничего

не болело. Только пара царапин да шишка на затылке.

- Давай вставай. - Девушка протянула ему руку в кожаной перчатке.

Мальчик встал и вытер тыльной стороной ладони небольшой порез на лбу.

- Вот, держи. - Незнакомка протянула ему платок.

Оказавшись на ногах и не торопясь взять платок, Петя испуганно посмотрел на только что лопнувшую рекламу, но стенд был цел.

- А вы не видели, он ведь только что лопнул, - сглотнув, растерянно спросил он.

- Не видела, - пожала плечами девушка. - Это тебе из-за того, что ударился, показалось. Поскользнулся.

Шоумен белозубо улыбался и показывал большой палец, держа в другой руке новую модель телефона.

Улицу освещали фонари, светофор помигал зеленым, ненадолго вспыхнул желтым и переключился на красный, остановив на перекрестке припозднившуюся машину. Все эти цвета послушно отражались в витрине магазина игрушек, рядом с которым замерли фигуры мальчика и склонившейся над ним девушки. Плюшевые животные и пластиковые куклы молчаливо взирали на отделенных от них толстым стеклом людей.

- Поскользнулся... - машинально повторил Петя, глядя на смену цветов сигнала светофора в огромных стеклянных глазах огромного плюшевого волка в витрине, после чего задал новый вопрос: - А вы кто?

Решив наконец взять платок, он недоверчиво посмотрел на знакомку.

- Нравнодушный прохожий, - весело рассмеялась в ответ девушка. - Да мимо шла. А тут смотрю, ты упал. Ну и подошла. Ты чего так поздно один?

- У друга задержался, - сам не понимая, почему откровенничает с незнакомым человеком, ответил Петя. Но от девушки веяло искренним участием, и он

успокоился. – Я недалеко живу. Спасибо.

Промокнув лоб, он вернул платок.

– Говоришь, недалеко живешь? Может, тебя проводить? – пряча платок в карман полупальто, предложила девушка и поправила надетые на голову пушистые розовые наушники.

Натянув шапку, Петя оглянулся, еще раз посмотрев на пустынную улицу, по которой бежал. В голове мутилось, но шепот пропал.

– Спасибо, – наконец решился он.

– Вместе веселее! – улыбнулась незнакомка, снимая перчатку. – Ну, давай руку. Меня Ира зовут.

– Петя. Петр, – неловко представился мальчик и послушно взялся за руку девушки, которая оказалась почему-то холодной. Подобрал сумку со сменкой, он посмотрел на Иру и сказал: – Тут рядом, я покажу.

Провожаемые все так же безучастными взглядами игрушек в витрине, мальчик и девушка пошли по проспекту, освещаемые тусклым светом уличных фонарей. Их силуэты отразились в последний раз в зрачках плюшевого волка и скрылись за поворотом.

Больше Петю Яковлева никто не видел.

Глава 1

Как я планировал провести свои законные выходные? Вечером, сразу после доклада шефу, заехать в ближайший супермаркет и выйти из него с тележкой, доверху заполненной продуктами. Закинуть разбухшие от пачекпельменей и упаковок пива полиэтиленовые пакеты в багажник своего старенького «Форда Фокуса», где с понедельника томятся две пачки ломондовской фотобумаги. Из магазина – прямой дорогой к подвальчику, расположенному в доме на углу

Попова и Каменноостровского. В несколько заходов разгрузить багажник, забив чрево двухкамерного холодильника спиртным и полуфабрикатами, а лоток фотопринтера – стопкой резко пахнущих белых листов бумаги. Открыть первую банку хмельного нектара и с головой погрузиться в обработку фотографий.

И я почти осуществил свой план, ровно до того момента, как открыл банку пива. Глядя на вырывающуюся из недр банки белую пену, я внезапно почувствовал необходимость опустить руку во внутренний карман висящего на спинке стула пиджака и достать оттуда мобильный телефон.

Поднеся дисплей мобильного поближе, я уставился на него так, словно увидел впервые. И лишь спустя несколько секунд дисплей вспыхнул всеми цветами радуги, а царившую в фотостудии тишину разорвала залихватская мелодия. Конечно, я уже знал, кто именно мне звонит в столь неурочный час, и, раздражаемый праведным негодованием, честно хотел нажать «отбой». Но, понимая, что для звонившего это не преграда, я все же решил не усугублять и не оттягивать неизбежное. Так как на другом конце виртуального провода был мой шеф, Драгомыслов, занудный, но в целом нормальный мужик.

– Да, Геннадий Петрович, слушаю вас.

– Степан, прости, что отрываю тебя от... – собеседник деликатно откашлялся, – от пятничного жертвоприношения Дионису... хотя нет, ты же больше пиво уважаешь, а не вино, так что логичнее будет предположить, что Бахусу, но того потребовали срочные обстоятельства.

– Ничего страшного. – Я постарался сделать так, чтобы мой голос звучал как можно жизнерадостней, при этом мысленно прощаясь как с пивом, так и с планами разобрать накопившиеся за месяц необработанные фотоснимки. – Что-то случилось?

– Пока ничего. – Голос Драгомыслова звучал глухо, словно он разговаривал, стоя в подполье или бункере. Скорее всего шеф звонил из архива, располагавшегося на минус первом этаже нашего офиса. – Но скоро может и случиться. У тебя на завтра нет планов?

Конечно, планы у меня были. И Геннадий Петрович об этом прекрасно знал, для этого не нужно обладать способностями Иного. Вопрос он задал чисто из

вежливости, так как старался поддерживать среди подчиненных иллюзию неприкосновенности личной жизни. Но ни для кого из немногочисленных сотрудников петербургского Ночного Дозора не было секретом, что шеф в курсе наших дел и мыслей, даже тех, что мы порою и сами не осознаем.

Скорчив мину своему отражению в экране компьютерного монитора, я обреченно ответил:

– Нет, ничего такого не планировал. В принципе я завтра весь день свободен.

В который уже раз за последнее время я задумываюсь над тем, что мне следует научиться отстаивать свое мнение перед начальством. Когда-нибудь, Балабанов, мысленно отвечаю я себе, когда-нибудь ты это сделаешь.

– Добро. – Я услышал, как на другом конце виртуального провода кто-то отчетливо хлопнул в ладоши. – Тогда не мог бы ты выполнить одну мою маленькую просьбу? Кстати, Степан, ты футбол любишь?

– Если честно – не фанат, – искренне ответил я, – исключения делаю лишь для чемпионатов мира или Европы, да и то если играет сборная Германии, а в остальном...

– А почему именно Германия? – В голосе Драгомыслова послышалось неподдельное удивление. – Почему не за нашу сборную болеешь? Как-то это не патриотично, Степа, и не в духе времени. К тому же у немцев на воротах Темный Иной стоит! Впрочем, дело хозяйское. Я хотел попросить тебя завтра сходить на Петровский, на матч «Зенита».

– Зачем? – На этот раз настал мой черед удивляться.

– Как зачем? Ты же у нас вроде как фотографией увлекаешься. – Геннадий Петрович не спрашивал, а утверждал. – Вот и сходи на матч, пофотографируешь там в свое удовольствие. Если вдруг что-то необычное заметишь – сразу же сообщи мне.

– А что там может быть необычного? – Если честно, то меня уже стали утомлять эти загадки и недомолвки. Какого черта я не только должен в свой законный

выходной переться на переполненный стадион и толкаться там среди шумной толпы футбольных болельщиков, но еще и искать там неизвестно что?

– Степан, не кипятись, – успокаивающе проговорил Геннадий Петрович, словно прочитал мои мысли. Хотя скорее всего именно что прочитал, я не удивлюсь. – За это ты можешь не выходить на работу в понедельник.

Понимая, что иного варианта у меня нет, я сдался.

– Конечно, Геннадий Петрович, без проблем.

– Ты же сейчас в своей фотостудии, да? Тогда завтра днем в пятнадцать ноль-ноль к тебе приедет Павел, передаст пропуск на стадион и удостоверение фотокорреспондента... – Голос шефа на несколько мгновений стал едва слышен, похоже, он отдавал кому-то соответствующие распоряжения. – Степан, ты слушаешь?

– Да.

– Завтра после матча наберешь меня и расскажешь, как все прошло.

– Подождите, Геннадий Петрович! – От волнения я слегка повысил голос. – Так что именно мне завтра искать на Петровском?

– Что-нибудь необычное. Я не исключаю и такой вариант, что матч пройдет без происшествий. По крайней мере без происшествий, подпадающих под нашу юрисдикцию. Возможно, у меня просто разыгралось воображение. Но проверить не помешает.

– Хорошо, я все сделаю. – Поняв, что подробностей мне из Драгомыслова не вытянуть, я решил покориться судьбе и просто выполнить его поручение. Хотя все указывало на то, что ничего не будет так просто. Да и всегда, если честно, не любил большие скопления людей.

– Договорились. – Драгомыслов повесил трубку, оставив меня наедине с моими мыслями, которые, словно дурные щенки, насакивали друг на друга, сбивались в кучу-малу и не хотели вести себя прилично. Мне бы прикрикнуть на них,

успокоить. Но мои отношения с собаками не заладились с самого детства. Чего уж тут ждать от управления собственными мыслительными процессами?

Поняв, что ничего путного мне сейчас в голову не придет, я решил все же потратить несколько часов на то, ради чего приехал сегодня в студию. Пригубив наконец пиво, я щелкнул «мышкой» на папку с фотографиями.

Фотография, конечно, великое изобретение. Мы ей доверяем, пожалуй, самое главное, что есть у каждого человека, – свои воспоминания. И с момента, как нас на мгновение ослепляет яркий свет фотографического аппарата, мы начинаем жить другой, иной жизнью, на листах пропитанной растворителем плотной фотобумаги, словно отдавая ей частичку своей души.

И даже когда мы с естественным бегом времени неизменно старимся и умираем, наша история продолжает жить в многочисленных снимках. Веселая или грустная. Важная или не очень. Знакомые лица родных и близких, любимых и друзей, домашние питомцы, пейзажи запомнившихся путешествий.

Не это ли есть бессмертие?

Говорят, я неплохой фотограф. Хотя основной моей работой является должность штатного сотрудника петербургского Ночного Дозора. Но я все же умудряюсь выкроить немного времени между дежурствами и снимаю свадьбы, дружеские посиделки, красивых моделей на портфолио в одежде или без, да и вообще просто что нравится.

Работа в Дозоре наложила специфический отпечаток на мое творчество. Экспериментируя, я пробовал фотографировать на первом слое Сумрака, но почему-то, кроме привычного синего мха, живущего на нескольких верхних уровнях и питающегося человеческими эмоциями, на пленку не хотело ничего ложиться.

Любопытно, что на черно-белом снимке мох получался цветным. Этот феномен я не могу понять до сих пор. Изучая эту особенность, я сделал особую серию снимков в местах больших скоплений людей, где уровень человеческих эмоций достигал предела. Проспекты, церкви, свадьбы, похороны, больницы. Несколько неплохих зарисовок со мхом все-таки получилось, и ради забавы я как-то вечерком сторговал их на Невском. За что впоследствии получил нагоняй от

Драгомыслова, вкрадчиво и с расстановкой объяснившего, что играть с такими вещами не стоит. Нечего простым людям лишней раз напоминать о себе. Люди ведь чувствуют магию, а кошки так и вообще способны видеть на всех слоях Сумрака.

На мои расспросы о странном фотоэффекте старшие и более опытные Иные лишь разводили руками в недоумении. Даже Драгомыслов не смог (или не захотел, что тоже весьма вероятно) дать ответ на мой вопрос, посоветовав не забивать голову всякой чепухой, а работать.

Кстати, о работе. Взглянув на часы в углу компьютерного монитора, я привычно обнаружил там повторяющиеся цифры: 06:06.

- Все, Балабанов, - обратился я к самому себе, - пора баиньки.

После чего сладко зевнул, сохранил последние изменения и выключил компьютер. Не нужно быть Иным, чтобы предугадать тот факт, что завтра меня ждет тяжелый день.

?/?

Внезапно хлынул дождь, капли устремились за воротник, моментально промочив насквозь пиджак и рубашку. Руководствуясь скорее инстинктами, нежели здоровой логикой, я попытался укрыться от ненастья под крыльцом ближайшей парадной и лишь несколько секунд спустя понял, что вновь оказался рядом с тем самым зданием.

Два симметричных двухъярусных эркера украшают фасад, облицованный гранитом. Овальные медальоны с женскими фигурами из белого мрамора, гирлянды, венки, маски, рога изобилия размещены на фасаде. Над въездом во двор - изображение саламандры.

В памяти услужливо всплыли лекции профессора Лемешева, которые я посещал в первые месяцы стажировки в московском отделении Ночного Дозора: саламандра не боится огня, так как способна потушить его холодом своего тела. Похоже, это единственное из того, что я запомнил наизусть на занятиях старого мага, обучившего на своем веку не одно поколение Светлых Иных. И что теперь

прикажете делать с этим знанием?

И как в предыдущие разы, под моим взглядом тело каменной саламандры зашевелилось. Хвост вильнул из стороны в сторону, обрушив при этом немало гранитной крошки на мостовую. Глаза вспыхнули красным, а из пасти вырвался султан пламени.

Не в силах пошевелиться, я стоял под упругими струями проливного дождя и с ужасом смотрел на то, как каменная голова мифической рептилии поворачивается в мою сторону, красные глаза, на дне которых беснуются огоньки адского пламени, буквально прожигают меня потоками бушующей в них силы. Затем, как всегда, она произносит слова, и вырывающееся из ее пасти пламя окутывает меня с ног до головы.

- Он придет за тобой с юго-востока...

И тогда я кричу от боли, точнее, пытаюсь закричать, но ничего не получается, рот беззвучно открывается, так и не проронив ни звука.

Мой разум окутан паникой, а тело - огнем. Из последних сил я пытаюсь нащупать свою тень, нырнуть в спасительную прохладу Сумрака, но мне это не удается.

Саламандра произносит еще одну фразу, но я ее уже не слышу. В ушах моих бьет набатом пульсирующая от жара кровь, а боль пронизывает каждую клеточку моего бедного тела.

Еще пара мгновений - и от меня останется лишь горсть пепла.

Но вместо того чтобы обратиться в прах, я просыпаюсь.

?/?

Я просыпаюсь. В панике ощупываю свое тело. Горячее, липкое от пота, но, слава Сумраку, целое. Никаких ожогов или кусков паленого мяса. Лишь через несколько секунд я понимаю, что это был всего лишь сон. Ночной кошмар, мучающий меня вот уже несколько дней подряд. И что самое неприятное -

каждый раз сюжет повторяется в точности до мельчайшей детали. Хорошо, что я не предсказатель и не пророк, а простой Светлый маг четвертого уровня. Иначе все эти сны могли обернуться весьма неприятным геморроем.

Возможно, мне следует поговорить об этом с шефом? Но стоило только представить, какими словами меня приласкает Геннадий Петрович за то, что я беспокою его по подобным пустячным поводам, всякое желание даже заикнуться об этом как рукой сняло. В конце концов, я уже взрослый мальчик, сам могу с ночными буками разобраться.

Немного придя в себя, я не глядя нашарил рукой на тумбе рядом с диваном мобильный и взглянул на время. До появления курьера оставалось еще два часа. Как раз успею принять душ и позавтракать.

Арендванный мной несколько лет назад подвальчик можно было условно разделить на два сектора: жилой, в котором располагались крохотная кухня и спальня, и рабочий, где я обрабатывал, проявлял и хранил фотографии. Небольшая фотолаборатория, места вроде и немного, но мне хватало. Хотя, по большому счету, для создания фотографий мне не были нужны ни бумага, ни прочее оборудование. Но, даже будучи магом, я все равно всегда печатал и проявлял вручную, просто потому, что до безумия любил это дело. Мне нравился сам процесс. Нравилось некое таинство, когда на бумаге, опущенной в раствор, начинали медленно проступать очертания города или чьи-то лица. Рождался свой особый, маленький мир.

Дядя Саша, глава нашего оперативного отдела Ночного Дозора, рассказывал мне в свое время не то байку, не то быль о том, что одним из первых фотографов если не в мире, то в России-то точно был Светлый Иной. Именно Светлый маг показал Прокудину-Горскому чертежи фотоаппарата собственной конструкции, опираясь на которые он создал свои первые цветные фотоснимки[1 - Сергей Михайлович Прокудин-Горский – русский фотограф, химик (ученик Менделеева), изобретатель, издатель, педагог и общественный деятель. Пионер цветной фотографии в России.].

Сергею Михайловичу нравилось обращать внимание на всякие мелочи, что-то необычное или на первый взгляд незначительное, что простому обывателю показалось бы пустяком. Например – цвет. Когда он одним из первых увидел цветные фотоснимки таинственного Иного, то буквально потребовал поделиться с ним технологией получения подобных снимков. Не мог же маг тогда объяснить

ему, простому человеку, а не Иному, что синие леса на фотографии – это не морские водоросли, а сумеречный мох! Но, по словам дяди Саши, Светлый нашел выход из сложившейся ситуации. Взяв за основу фотоаппарат системы немецкого химика Мите, сконструировал свой и подарил чертежи Прокудину-Горскому.

Эта история и натолкнула меня на мысль попробовать сделать фотоснимки в Сумраке. И как я выяснил на практике, часть этой истории действительно оказалась правдивой. В руках Иного фототехника послушно фиксировала наросты сумеречного паразита.

Взглянув на самые удачные снимки синего мха, укрытые от посторонних глаз на стенах моей кухни, куда я никого из обычных гостей не пускаю, я сварил себе кофе и приготовил пару бутербродов.

Помимо снимков сумеречного паразита на кухне были еще две, особые для меня фотографии. На первый взгляд в них не было ничего сверхординарного. На одной черно-белый снимок мужчины и девушки. Но это была одна из фотографий в серии постановочных портретов для самих Гесера и Ольги, сделанных во время открытия нового штаба Ночного Дозора Санкт-Петербурга в две тысячи шестом.

Польщенный тем, что Великие маги обратились именно ко мне, я старался как мог и создал серию натуральных снимков на фоне закованной в мрамор Невы, которые сразу же показывал высоким гостям.

Одобрительно кивавший Гесер попросил оставить изображения черно-белыми.

– А что, для колориту, – обнимая за плечи улыбающуюся Ольгу, добродушно хмыкнул он.

Следом Великий совсем удивил, в благодарность угостив меня пивом с восхитительным копченым астраханским лещом, который появился из портфеля в промасленной газетной бумаге «Ведомостей».

По-простому, в небольшой тесной пивнушке на Петроградской, которую держал армянин-Иной Григор Вельдикян, инициированный накануне революции семнадцатого года. Его облюбовавшие это заведение местные Светлые

дозорные для краткости звали просто Валик.

Заведение называлось не особо замысловато «Коньяк», но если взглянуть на вывеску в Сумраке, то неоновые буквы превращались в массивную, висящую на двух чугунных цепях широкую доску, на которой были высечены столкнувшиеся лбами светлый конь и темный як. Ирония армянина дозорным нравилась. Да и коньяк, признаться, у Вельдикяна был превосходный.

Гесер метко шутил, непринужденно расспрашивал о городе, говорил о том, какая интересная перспектива ждет Дозор на Неве, об обычных житейских и будничных новостях. Помню, что это поразило меня больше всего. Тогда я на собственном опыте убедился в мудрости начальника, который подобно римскому полководцу мог вот так, без высокомерия и жеманства, запросто найти язык с любым из своих сотрудников. Не магически, а по-человечески.

Это вдохновило меня на новые подвиги. Конечно, приятно, когда твою работу хвалят, а уж тем более Великие.

На второй фотографии в простенькой деревянной рамке был я. Не очень хорошо сделанная – но что-то в ней все-таки было. На ней были изображены сияющие половины разведенного Троицкого моста. В Сумраке похожие то ли на загадочные конечности, то ли на стволы причудливых деревьев, они словно готовились обхватить мою высокую и худую фигуру, почти теряющуюся на фоне черного ночного неба. Снимок когда-то на мой «Зенит» сделал коллега, маг-перевертыш Миша Гранкин по прозвищу Бизон. Друг и соратник. Пожалуй, единственный в Дозоре, с которым я всегда мог поговорить по душам и на которого мог во всем положиться.

Но хватит грезить о прошлом.

Пока готовил завтрак, я параллельно боролся с искушением открыть одну из многочисленных банок пива. Но все же чувства долга и ответственности взяли вверх. Остановившись напротив тусклого зеркала, висевшего на стене над раковиной, я погрозил своему отражению пальцем.

– После матча.

Понурился, мой зеркальный двойник печально кивнул. Длинный, вечно взъерошенный, с острыми чертами лица. Многие с улыбкой говорили, что я куда больше напоминаю какого-нибудь поэта или художника, чем дозорного Светлого мага и уж тем более борца со всякой нечистью.

– Так-то, бездельник.

Улыбаясь глупой победе над самим собой, я приступил к завтраку. Если судить по времени на часах, курьер должен прибыть через час, а если опираться на мои предчувствия, то он опоздает на десять минут. Как раз успею допить кофе и съесть бутерброды.

Глава 2

В основном в свободное от выездов на места оперативных мероприятий время я просто бродил по гранитному городу, забросив штатив с камерой на плечо и чувствуя себя эдаким Дзигой Вертовым[2 - Дзига Вертов – советский кинорежиссер, один из основателей и теоретиков документального кино. Обогастил кинематограф множеством операторских приемов и техник, включая методику «скрытая камера». Его фильм «Человек с киноаппаратом» часто называют величайшим из всех документальных фильмов в истории.]. Мне нравилось наблюдать за людьми, ловить мгновения их жизни, словно мошкарку в янтарь, запечатлевая их на бумаге или на многочисленных картах памяти моих фотоаппаратов.

Но моим любимым героем, вне всяких сомнений, являлся Петербург. Город, в котором я прожил всю свою человеческую и Иную жизни, был не простым. Тяжелым, кровавым, пасмурным, проклятым и проклиняемым бесчисленное количество раз душами, которые поглотил. Даже развоплощенным[3 - Подробности об инициации и развоплощении Иной сущности Санкт-Петербурга вы можете узнать из романа В. Васильева «Лик Черной Пальмиры».]. Но все же таким бесконечно прекрасным. Насквозь пронизанный черной пульсирующей веной волнующейся под многочисленными мостами и мостиками Невы.

Город, разрываемый между Светом и Тьмой. Наполненный не прекращающейся борьбой, которую не замечали обычные смертные, лишь чувствуя эмоциями эхо

тысячелетней войны. Проспекты и кварталы были поделены на территории влияния. Центр принадлежал Светлым, в то время как небольшие районы на окраинах полностью отводились под охотничьи угодья вампиров.

Оборотни, ведьмы, вурдалаки и волшебники, святые и проклятые вели свой нескончаемый бой, тем самым заставляя стороны Света и Тьмы вновь балансировать и вновь уравниваться, если в определенном случае в дело вмешивалась Инквизиция или внезапно не появлялось Зеркало.

Как-то однажды шагая в сторону Сенной площади, я вспомнил, как наступил серьезный перевес между сторонами, когда в город были завезены облюбованные туристами знаменитые сфинксы, установленные на невской набережной. Напитанные могучей, таинственной магией загадочные каменные существа, несущие на себе отпечаток далекой цивилизации, сильно подпитали Темных. Силой чудовищной и невероятной. Но те не смогли ее укротить, и все закончилось грандиозным побоищем на Марсовом поле между обнаглевшими Темными и только-только появившимся в городе Ночным Дозором, после чего Светлым еще несколько месяцев пришлось кропотливо восстанавливать пошатнувшуюся ауру Летнего сада.

Сколько крови было пролито. Город с накопленной вековой жадностью впитал ее всю до последней капли.

Но, как любой Иной, я люблю этот мрачный монолит. Люблю соленый воздух. Пульсирующую концентрацию Силы. И город отвечает мне взаимностью, открывая все новые и новые мотивы для вдохновения. Любовь Петербурга было непросто заслужить. Его нужно было чувствовать.

От раздумий меня отвлек звонок в дверь. Посмотрев на часы, я ухмыльнулся – интуиция Иного не подвела, Паша, а это мог быть только он, действительно опоздал на десять минут.

– Здорово. Пробки, – снимая мотоциклетный шлем, из-под которого по плечам, обтянутым наглухо застегнутой кожаной курткой, заструились светлые волосы, приветствовал Паша. Наш штатный курьер, а проще говоря, мальчик на побегушках у Драгомыслова. Уровень у него был смешной, может, поэтому Павел старался держаться с магами повыше рангом по-свойски, даже иногда панибратски, но в целом на своем месте он приносил пользу, никогда не хамил,

просто слишком уж часто напоминал шкодливого задиристого подростка, вырвавшегося на волю из-под надзора дотошных родителей. – Так. Вот пропуск на Петровский, а вот фотокорровское удостоверение. Трибуна... трибуна... а, сам найдешь.

– Найду, спасибо.

Я взял у него документы и собирался уже закрыть дверь, но парень не торопился уходить, мялся, сжимая под мышкой шлем и явно хотел чего-то еще.

– Ну?

– Слушай, так чего там насчет Лизки, а? Ну, для Контакта? – спросил Паша. – Ты обещал вроде?

Ох уж эта молодежь.

– Сказал же, сделаю, – смутно пообещал я. – Может, на следующей неделе, посмотрим. Видишь, Драгомыслов по работе гоняет.

– Ага, работа, – усмехнулся Пашка, убирая волосы и напяливая шлем. – Я бы тоже на халяву футбол посмотрел. «Зенит» – «Спартак», это ж мясо! Ладно, бывай!

Уже почти закрыв дверь я успел увидеть, как паренек запрыгнул в седло старенького мотороллера, дал газу, выплюнув при этом клуб вонючего синего дыма, и выехал на улицу. Этот тарантас был предметом вечных насмешек и подколов некоторых сотрудников, но Паша спуску не давал, и порой над их беззлобными перепалками посмеивались все в нашем отделе.

Я поспешил закрыть дверь и посмотрел на аккредитации в своих руках. Футбол – значит, футбол. Как там пели «Queen», «We Will Rock You». Надев пальто, я закинул на плечо сумку с камерой и ненадолго застыл на месте, блуждая рассеянным взглядом по вещам, разбросанным на тумбочке в прихожей. После чего открыл ящик тумбочки и достал небольшую белую горошину.

Амулет с привязанным к нему заклинанием «Око мага», подарок одного приятеля. Интуиция подсказывала мне прихватить амулет с собой. И, как всякий

Иной, своей интуиции я всегда доверял.

«Зенит» – «Спартак», это ж мясо!

Что-то в словах Павла мне очень не понравилось.

Памятуя о выпитом вчера пиве и предупреждении курьера о пробках, я решил не искушать судьбу и поехал на метро. Вскоре я оказался на краю платформы, подпираемый галдящей толпой футбольных фанатов. Нет, они не хулиганили и не горланили кричалки. Пока что это были обычные люди, обуреваемые предвкушением праздника.

Как правило, результаты крупных спортивных соревнований просчитывались конторами заранее. Дневной и Ночной Дозоры всегда были в курсе, если очередной футбольный матч закончится потасовкой, которая непременно повлечет за собой неконтролируемый выплеск в Сумрак негативных или позитивных эмоций, подпитывая собой не только синий мох, но и других охотников поживиться халявной энергией. И не только энергией. Просчитав линии вероятностей, кое-кто из нечистых на руку сотрудников Дозоров вполне мог бы получить приличную прибавку к жалованью, сделав удачную ставку на исход игры. Конечно, Светлые Иные на такое были не способны, а вот Темные не брезговали урвать жирный куш, хотя случалось такое не часто. Поэтому руководство не обращало особого внимания на подобные приработки подчиненных. Дела людей всегда остаются их личными делами, будь то счастливые или трагичные моменты. Мы не вмешиваемся в их историю.

На выходе из «Спортивной» мне пришлось потолкаться. Болельщики не собирались в большие группы, ведь подобные скопления сразу же привлекали к себе внимание сотрудников полиции, дежуривших в этот день практически на каждом углу. Так что мне приходилось лавировать между мужчин спортивного телосложения, демонстративно делающих вид, что они друг с другом не знакомы. Но не нужно обладать способностями Иного, чтобы понять, что все они сядут единой «грядкой»[4 - «Грядка» – компания болельщиков на трибуне.] и затают древнюю как мир «Шалалай-ла».

– Шалалай-ла, шалалай-ла, вперед, «Зенит»!

– Просьба не задерживаться при входе и выходе с эскалатора! Вставайте рядом на ступеньках! – Голос дежурной, полноватой женщины в форменном сером пиджаке и красной пилотке, метался эхом под низкими сводами вестибюля метро. Болельщики послушно забивали механическую лестницу, улыбались друг другу и потихоньку демонстрировали окружающим фанатскую атрибутику: сине-бело-голубые бадлоны, шарфы и футболки.

Глядя на них, я вспомнил, как много лет назад я и сам любил посещать футбольные матчи. Хотя тогда все было иначе. Тогда «Зенит» играл на стадионе имени Кирова, ныне закрытом на реконструкцию, и если верить линиям вероятности, откроется он еще не скоро. Тогда большая часть зрителей на трибунах состояла из скучающих семей, коротавших свободное время между посещениями аттракционов в чехословацком луна-парке, обосновавшемся по соседству со стадионом.

Обычно в целях экономии я брал билет на сороковой, «детский» сектор. Вокруг меня сидели обычные люди, грызли семечки и попивали тишком портвейн через соломинку. Никаких флагов или пускания «волн» на трибунах. Тогда подобное поведение считалось некультурным и даже хулиганским. Сложно поверить, но за одно только громкое подбадривание любимой команды можно было оказаться в отделении милиции.

Сейчас же все стало совсем иначе. На футбол ходили большими компаниями, предварительно собираясь в пабах или кабаках и накачиваясь там пивом. После чего с песнями и флагами выдвигались в сторону стадиона.

Если подняться на вертолете и посмотреть на стадион с высоты птичьего полета, подумал я, то раскинувшаяся на земле панорама будет напоминать один из клипов немецкой рок-группы «Rammstein». Сотни или даже тысячи маленьких букашек собираются в единую бурлящую сине-бело-голубую реку, которая позже распадается у турникетов на входе на десятки ручейков, утекающих внутрь стадиона.

Тем временем людской поток уже вынес меня из чрева метро на поверхность. Подъезды к стадиону, как это обычно и бывало, были перекрыты кортежами ОМОНа, поэтому я только порадовался своему решению не брать машину. Вместе со мной на стадион тянулись галдящие возбужденные толпы. Людские эмоции выплескивались через край. Сегодня сумеречный мох наестся досыта.

– Травка зеленеет, солнышко блестит, самый лучший в мире футбольный клуб «Зенит»! – заорал кто-то у меня над ухом, заставив вздрогнуть от неожиданности.

Я никогда раньше особо не задумывался над тем, что движет этими людьми. Жажда зрелищ, чувство единения с толпой или искренняя любовь к футболу? Наверное, все сразу.

И сейчас я оказался частью этой толпы, хоть и старался держаться в стороне от основного потока шумных фанатов. Движимый единой силой, очень скоро я добрался до центрального входа на стадион. Но прежде чем попасть на трибуну, следовало пройти досмотр.

Здесь тоже многое изменилось со времени моего последнего похода на футбол. Если раньше любители футбола просто покупали билет и показывали его на входе на стадион, то сейчас огромная толпа зрителей дробилась на несколько потоков на гостевые и домашние трибуны с помощью рамок металлоискателей под пристальными взглядами сотрудников полиции, омоновцев и кинологов с собаками.

В руках у одного из представителей правопорядка я заметил увесистую пластиковую папку с файлами. Полицейский выборочно останавливал кого-нибудь из проходящих болельщиков, в основном молодых парней крепкого телосложения, сверялся с чем-то в своей папке, кивком велел проходить дальше, останавливал следующего и повторял процедуру. Заинтересовавшись, я на мгновение остановился за спиной у полицейского и заглянул в папку. В файлах оказались черно-белые фотороботы неотличимых один от другого мужчин, чьи лица укрывались за натянутыми на пол-лица платками и глубокими капюшонами. Интересно, кого полицейские рассчитывали поймать по столь невыразительным фотороботам?

Показав пропуск у служебного входа, я оказался внутри коридора, ведущего к так называемой смешанной зоне, предназначенной для телевизионщиков и прессы. Здесь на некоторое время удалось вздохнуть с облегчением, отделившись от возбужденной толпы.

Между клубами, которым сегодня предстояло выйти на поле, соперничество было уже легендарным, а противостояние фанатов непримиримым, так что

страсти предстояли нешуточные.

Наконец я вышел из коридора, и шум стадиона оглушил меня. Поздоровавшись с некоторыми знакомыми фотографами и заняв свое место, я неторопливо расчехлил камеру, подобрал объектив и, прицелившись, побродил видеоискателем по трибунам с противоположной стороны поля, делая пробные снимки. На первый взгляд ничего необычного: яркие флаги, плакаты с кричалками, рогатые шлемы, размалеванные щеки разгоряченных алкоголем болельщиков. Обычные люди давали выплеск эмоциям.

Вот в фокус попала черная шляпа, и я на секунду задержался, с улыбкой признав в ее обладателе Боярского. Естественно. Уж кто-кто, а он-то ни одного матча своей любимой команды не пропускал. За секунду до того, как я нажал кнопку спуска затвора, Михаил Сергеевич знаменитым жестом поправил усы и с улыбкой поднял руку, кого-то приветствуя в толпе.

В этот момент над стадионом разнесся голос комментатора, объявивший о выходе на поле команд, и я содрогнулся от громоподобного ора. Обернувшись, я обнаружил, что Драгомыслов на этот раз определил меня как раз под печально знаменитой тринадцатой трибуной, болельщики которой славились необузданным нравом и практически после каждого матча попадали в выпуски новостей.

На поле вереницей потянулись спортсмены обеих команд, держащие за руку детей. Выстроившись друг напротив друга, они пропели гимн, капитаны команд обменялись рукопожатиями, и по свистку рефери игра началась.

Не особо понимая, зачем меня сюда прислал Драгомыслов, я поначалу просто снимал игру, благо место мне выпало более-менее удачное. Ловил в объектив красивые передачи, напряженные движения вратарей и, несколько раз обернувшись, снял трибуну, на которой выделялась группа накачанных здоровяков. Один из них, обладатель барабана, остервенело бил в него большими колотушками. Заводящий, бритоголовый мужик лет сорока, затаил кричалку:

– «Зе-нит», тум-тум-тум! «Зе-нит», тум-тум-тум! Оле! Оле-оле-оле-е-е...

Толпа поддерживала заводящего, лицо которого было ярко раскрашено в цвета сине-бело-голубых, дружными хлопками и подпеванием. По его сигналу болельщики бросали в воздух сине-бело-голубой серпантин, осыпавшийся словно снег на головы представителей прессы. Честно, это меня немного раздражало, и я, отвернувшись, вновь сосредоточил свое внимание на поле. А фанаты на своем вираже продолжали горланить:

– Сине-бело-голубые, хей-хей!

Минут двадцать все шло своим чередом, и я даже уже начал скучать, как вдруг ситуация на поле стала резко меняться.

«Зенитовцы» зазевались, и нам впечатали первый гол. Это вызвало громкий разочарованный стон на трибунах. Не отрываясь от камеры, я увидел, как Боярский досадливо хлопнул себя по коленям. Не являясь ярим поклонником футбола, я особых переживаний не испытал. Игра есть игра. Тем более наши уже давненько не блистали хорошей игрой.

Но еще через двадцать минут, к концу первого тайма, Роман Павлюченко из «Спартака» пошел в атаку на наши ворота и пробил второй гол. Там была явная штанга, мяч летел по кривой, но рефери засчитал москвичам очко.

Игру временно остановили, но трибуны взорвались таким агрессивным ором, что у меня заложило уши. Я обернулся.

– Несправедливо!

– Че за фигня...

– Слепой, что ли, там штанга была...

Отдельные реплики, крики, обрывки фраз, мат, искаженные лица, все смешивалось в чудовищную какофонию, словно передо мной была не толпа народа, а одно обезумевшее от ярости существо. Это были даже не лица, а маски с раззявленными ртами и безумным взглядом, потрясающие кулаками. Барабанщик-заводила от переполнявших его эмоций выронил свой зажатый между ног инструмент, и тот, подпрыгивая, покатился вниз по ступеням

лестницы. На него никто не обратил внимания.

Я продолжал смотреть на вираж зенитовских болельщиков, оставаясь спиной к полю. Несколько вскочивших парней покопались в рюкзаках, и мятущихся людей озарили алые вспышки запаливаемых фальшфейеров. Дело принимало серьезный оборот. Но это был всего лишь первый тайм, играть еще предстояло долго, и наши вполне могли отыгаться, склонив счет в свою пользу. А болельщики тем временем вели себя так, словно поединок уже закончился.

Бегло оглядывая толпу, я понял, что здесь что-то не то.

Я почувствовал легкое потустороннее дуновение, какое обычно испытывал, когда неподалеку от меня возникало возмущение в Сумраке. Чертыхнувшись сквозь зубы, я сунул руку во внутренний карман куртки и, нащупав крохотную горошину, крепко сжал ее пальцами, активируя заклинание «Око мага».

Горошина треснула, выпуская в Сумрак небольшой шар в форме глаза. Магический радар вознесся над трибунами, и через пару мгновений я увидел то, что искал.

Один из болельщиков на беснующейся трибуне сидел. Черная толстовка – ног не было видно из-за спинки ниже расположенного сиденья. Опущенный на лицо капюшон. Конечно, со стороны можно было бы подумать, что это обычный парень, выпивший больше своей нормы и уже не способный стоять на ногах. Если бы не одно обстоятельство. Парень был Иным. Темным Иным.

Опустив взгляд, я посмотрел на свою тень и мысленно потянул ее на себя, входя в Сумрак. На меня тут же навалилась ватная тишина, цвета поблекли, а запахи исчезли. Больше не было рева толпы, превратившегося в низкий тягучий гул, и режущей обоняние вони горящих файеров. Люди на трибунах превратились в смазанные тени, среди которых выделялась одна-единственная фигура, окутанная аурой Тьмы. Конечно, я мог бы сразу войти в Сумрак и не тратить ценный амулет с «Оком мага». Но если говорить начистоту, даже на первом слое Сумрака я чувствовал себя весьма неуютно и даже представить боюсь, что бы я испытал на более глубоких слоях.

Но одно дело обнаружить нарушителя Договора, а совсем другое – зафиксировать нарушение. Поэтому я не стал терять время понапрасну. С

трудом приблизив видеоискатель к глазам, я навел объектив на Темного и сфокусировался на его руках. Так и есть! Применение воздействия было налицо, я не зря ощутил возмущение в Сумраке.

В зажатых ладонях у Темного я увидел простую на первый взгляд стеклянную банку, внутрь которой стекалась Сила. Кажется, это заклинание называлось «катушка Теслы». Магия несильная, но достаточная для того, чтобы сосать из людей энергию. Конечно, в обычной ситуации Темный вполне мог вывернуться, сказав, что он просто собирал выплескивающиеся негативные эмоции во время футбольного матча, если бы не одно обстоятельство. Этот Темный провоцировал фанатский вираж на беспорядки. Тонкие ниточки силы тянулись от Иного к нескольким болельщикам, в том числе и к заводиле в тринадцатом секторе. Прямо на моих глазах эти нити вздрогнули, и еле заметная волна пошла от Темного к его невольным марионеткам.

Но зачем он провоцировал беспорядки, да еще так открыто? Неужели он думал, что его проделки останутся незамеченными? Как бы то ни было, я поспешил задокументировать факт нарушения Договора и нажал на кнопку на фотоаппарате, после чего вышел из Сумрака.

И вновь оказался в эпицентре фанатского безумия. Оставляя за собой алые росчерки клубящегося дыма, на поле полетели фальшфейеры. Футболисты в панике рассеялись. Вот, перепрыгнув ограждение, кто-то выбежал на арену, красные болельщики смешались с синими.

Я, взмокший от пота после посещения Сумрака, стоял посреди этого хаоса и не знал, что предпринять. В конце концов, шеф никаких конкретных инструкций мне не давал.

К разрастающейся стычке присоединились появившиеся омовцы, орудующие дубинками под прикрытием пластиковых щитов.

Надо было что-то делать.

Секунду поколебавшись и достав мобильник, я набрал номер офиса.

Не к месту вспомнился рассказ шефа о том, как в тридцатых годах прошлого века рабочие бывшего «Путиловского», а сейчас «Кировского» ходили на матчи

«Зенита» с плетеными корзинами-садками не с гранатами или бомбами, а с голубями. По несколько десятков пернатых на стадион приносили, так как голов в матчах того времени забивали много, не чета нынешним играм. А производство тогда было непрерывное – от мартеновской печи не отойти. Вот и приноровились болельщики из нерабочих смен прихватывать с собой на стадион из заводской голубятни сизых и белых птиц. Забьет «Зенит» – в небо взмывает «чиграш», неудача – летит «германец». Так и работала экспресс-почта болельщиков.

И до чего хорошо, что в наше время существуют мобильные телефоны и мне не требуется полагаться на голубиную почту!

– Смольный на проводе, – через несколько гудков послышался голос дежурного Женьки Васнецова.

– Это Балабанов! – стараясь перекрыть царящий вокруг гвалт, я зажал трубку свободной рукой. – Я сейчас на Петровском, обнаружил применение группового воздействия...

– Кто у тебя так орет?

– Слушай сюда, – раздраженно одернул я. – Немедленно отправляй дядю Сашу и остальных! Надо проверить. Тут сейчас настоящее побоище начнется!

– Ты уверен, что это проделки Темных?

– Да! Я засек одного, судя по ауре, это ведьмак.

– Он один? Не из Дневного?

– Да откуда мне знать? Давайте быстрее! Жду!

Не став дослушивать, что там еще пытался сказать Женька, я сбросил вызов и снова оглядел трибуны. Парень в черной толстовке исчез. А искать его времени у меня не было. Оставаться на поле становилось опасно, фанаты принялись забрасывать друг друга скамом[5 - Скам – так на сленге фанаты называют мусор, который они бросают в соперников.], я лишь чудом успел отскочить в сторону, увернувшись от летящего в меня пластикового стула.

Только бы наши успели.

Глава 3

Прищелкивая костяшками пальцев в ритм звучащей в наушниках песни, Артем спускался по эскалатору и внимательно вглядывался в лица проплывающих мимо людей. Вот угрюмый мужчина в строгом костюме – аура пульсирует злобными алыми всполохами.

Ап!

Артем чуть повел кистью, забрал малую частицу клокочущих эмоций и перенес ее в спрятанную в карман толстовки стеклянную банку, и без того переполненную клокочущей в ней энергией.

Следом он отщипнул кусочек от ревности женщины с усталым лицом, спешившей домой, дабы успеть застать мужа в объятиях любовницы Светки, шалавы с третьего этажа, что не первый год строит глазки ее супругу.

Ап!

Вот школьник, злящийся на родителей, раскусивших его трюк с градусником и горячим чаем.

Ап!..

Темный Иной Артем понимал, что укрываемая от посторонних глаз «катушка Теслы» зарядилась под завязку еще на Петровском, но все никак не мог остановиться и решил продолжить собирать урожай в питерской подземке. Его опьяняла могучая энергия людских страстей, ему хотелось еще и еще.

Стоило ему спуститься с эскалатора, как девушка в форме работника метрополитена резким движением покинула свою стеклянную будку и бесцеремонно схватила Артема за ворот толстовки.

– Ночной Дозор! Пройдемте со мной! – произнесла диспетчерша неожиданно низким мужским голосом. Артем инстинктивно попытался нырнуть в Сумрак, но с ужасом осознал, что не может. Когда он вновь посмотрел на диспетчершу, то обнаружил, что вместо девушки в серой форме его удерживает здоровенный парень, судя по ауре – Светлый маг пятого уровня силы. – Не дергайся, Темный.

Артем растерянно огляделся по сторонам и обнаружил себя в окружении еще двух Светлых Иных.

– А вот писца вам на воротник, Светлые! – злобно оскалился в ответ Артем и ударил державшего его за воротник толстовки Светлого мага «прессом». В обычных обстоятельствах это заклинание у Артема получалось слабым. Но сегодня на его стороне было преимущество в виде лежащей в кармане «катушки Теслы». Темный мысленно почерпнул немного сконцентрированной энергии из склянки и вложил эту силу в заклятие.

Державшего его Светлого отшвырнуло прочь, словно пластиковый пакет под сильным порывом ветра. Сбив на лету проходившего мимо мужчину, Светлый маг ударился о стену и, подобно марионетке с обрезанными нитями, рухнул на пол.

После чего Темный злобно хмыкнул и сжал что-то под толстовкой. Иные тотчас почувствовали возмущение в Сумраке, а где-то на платформе раздались возбужденные голоса.

– Эй, это же мясо! Бей их! Ааааа!..

И пока оперативники Ночного Дозора рассеянно смотрели то на поверженного товарища, то на начинающееся на станционной платформе побоище между футбольными фанатами, Артем поднял свою тень и нырнул в Сумрак. Через секунду Светлые ринулись вслед за ним, но было поздно. Темного Иного не было ни на первом, ни на втором слое.

– Миша, ты его чуешь? – обратился усатый мужичок лет сорока к своему напарнику, магу-перевертышу, уже принявшему свой сумеречный облик. Огромный серо-бурый бизон с кучерявой шерстью и короткими, но острыми рогами отрицательно мотнул лобастой головой. Тогда мужичок выругался и скомандовал: – Ядрена копать! Давай, хватаем Илью и возвращаемся в офис.

Выйдя из Сумрака, дядя Саша активировал «сферу невнимания», а Михаил Гранкин, его напарник-перевертыш, приняв человеческий облик, бросился осматривать все так же неподвижно лежащего у стены Илью.

– Живой, – с явным облегчением выдохнул Гранкин.

Подхватив бессознательного коллегу под руки, Светлые заторопились к эскалатору, ведущему к выходу на поверхность. Навстречу им, переругиваясь с кем-то по рации и держа наготове резиновые дубинки, уже спешил наряд полиции. Не отдавая отчета своим действиям, плотный строй стражей порядка на полном ходу раздался в стороны, обтекая потрепанных дозорных, после чего вновь сомкнулся и устремился в сторону мутузящих друг друга болельщиков «Спартака» и «Зенита».

Светлые шагнули на эскалатор. Достав мобильный телефон, дядя Саша пролистывал записную книжку, в задумчивости покусывая ус.

– Ядрена копать, – вновь выругался маг, активируя вызов, – влетит нам от Драгомыслова за то, что упустили этого субчика... Алло, Женя? Отправь Пашу с машиной на выход из «Адмиралтейской». И отыщи Осипа Валерьяныча, он нам понадобится. Да Золотухина приложило об стену, ничего серьезного, но осмотреть лишним не будет. Все, отбой. Уф!..

Спрятав мобильный в чехольчик на поясе, дядя Саша обратился к напарнику:

– Вот интересно, Мишка, что же это за зверь нам попался?

– Не знаю, дядь Саш, – шмыгнув носом подавленный перевертыш, поудобней подхватывая все еще находящегося без сознания Илью. – Но он точно от нас по третьему слою ушел. А кто из местных Темных на такое способен? Я о таком не слышал.

– Я тоже, Миша, я тоже... – Маг вновь принялся жевать свой ус. – Неужели опять спецбригада от Дневного Дозора пожаловала?

– Сомневаюсь, – скептически помотал головой Гранкин, – нас бы предупредили... наверное.

- То-то и оно, ядрена копоть, что «наверное»...

Дозорные миновали первый эскалатор и встали на следующий, когда завибрировал мобильный дяди Саши. Маг недовольно скривился, но сразу же ответил на звонок:

- Слушаю, Геннадий Петрович.

Гранкин молча взирал на старшего коллегу, чье лицо мрачнело все больше и больше, и понимал, что сейчас Драгомыслов говорит в их адрес отнюдь не комплименты. Для этого не нужно было обладать способностями Иного.

- Понял вас, Геннадий Петрович, скоро будем. - Дядя Саша нажал отбой и грустно посмотрел на Гранкина. - Сейчас в офис, сдаем Илью в медпункт и сразу же на ковер к шефу. А потом предлагаю выпить.

- Что, все настолько плохо? - кисло поинтересовался Михаил.

- Не то слово, - выругался дядя Саша и вновь набрал номер на мобильном телефоне. - Женя, мы выходим. Где машина? Ядрена копоть, а поближе чего не припарковался? Да пусть разгонит там все эти пробки... Что? Шеф запретил? Да я тебя... ладно, где там искать машину? Понял, отбой.

- Дядь Саш, что случилось? - взволнованно спросил Гранкин.

- Машина наша подъехать к вестибюлю не может, пробки вокруг метро, ОМОН оцепляет периметр, - откликнулся начальник, - придется нам с тобой Илюшу на своих загривах до Гороховой, дом четыре, тащить. Знаешь, где это?

- Конечно! - радостно откликнулся Михаил. - Это тут, за углом. Дом старый, там еще ящерица на фасаде примечательная.

- Ну вот, туда и тащим.

Петербургский Ночной Дозор хоть и был гораздо моложе московского, но историю имел не менее насыщенную и во многом даже более трагичную. К тому

же его судьба отличалась загадочной цикличностью в вопросе руководителей и места расположения штаб-квартиры Светлых Иных.

История скитаний и смены глав Дозора началась в 1850 году, когда Вильгельм-Эренфрид Пель, целитель и алхимик, Светлый Иной первого уровня, принял решение об открытии своей аптеки на Васильевском острове.

Событие это принесло немало головной боли сотрудникам Ночного Дозора, возглавляемого Драгомысловым, бывшим в ту пору не слишком опытным магом пятого уровня силы. Ведь Пель, в силу почтенного возраста и гуманитарного склада характера, был наделен не только великой силой и талантом ученого, но и профессорской рассеянностью. Перебравшись в столицу Российской империи из Гессена, он открыл частную практику и первое время довольно успешно маскировал свою истинную сущность под вывеской аптеки. Но не прошло и месяца, чтобы у Геннадия Петровича и его подчиненных не возникла необходимость напоминать рассеянному Пелю о том, что тому следует быть осторожным и что не стоит совершать воздействия на обычных людей или Иных без разрешения со стороны контролирующих органов.

Очень скоро по городу поползли слухи, что судьбы людей, поселившихся в этом тихом месте на Васильевском острове, загадочным образом менялись. У одного начинался резкий рост в табели о рангах, второй внезапно получал большое наследство, а у третьего наконец-то налаживалась семейная жизнь. Простым людям было невдомек, что это простодушный аптекарь Пель, не задумываясь о последствиях, воздействовал через Сумрак на своих соседей и посетителей аптеки.

Меж тем слухи об алхимике разошлись далеко за пределы не только Васильевского острова, но и Петербурга. При аптеке, штат сотрудников которой уже составлял почти сотню человек, появился собственный институт, исследовательские лаборатории, фармацевтические фабрики, библиотека, товарные склады, конторы по сбыту.

Годы спустя Драгомыслов много раз сожалел о том, что не связывал чудесные события в жизни обитателей острова с появлением Вильгельма. Хотя первый тревожный звоночек прозвенел уже в 1858 году, когда один из соседей Пеля, Карл Федорович Сименс, стал одним из основателей российской электротехнической промышленности. И о том, что случилось это в результате магического содействия аптекаря, узнали гораздо позднее.

Следующим Пель осчастливил Михаила Колчанова – студента, снимавшего квартиру в Квартале аптекарей. Михаил был влюблен в девушку Полину Гвоздеву, дочь лавочника, но та отвергла ухаживания нищего студента. Спустя некоторое время девушка узнала, что ее давний поклонник внезапно разбогател, и переменяла свое отношение, но было поздно, Колчанов уже полюбил другую. Откуда на бедного студента свалилось неожиданное богатство – так и осталось тайной для непосвященных.

Еще одним широко известным случаем из череды «чудес Квартала аптекарей» является история маленького мальчика Пети. Его мать умерла от побоев пьющего отца, а самого главу семейства задавило телегой. Оставшись круглым сиротой, Петя всячески избегал приюта и перебивался чем мог, бродяжничая по аптекарскому району. Однажды, замерзая, он мечтал о тепле и доме. Неожиданно во двор аптеки Пеля, где прятался мальчишка, зашел богатый господин, увидел озябшего беспризорника и забрал к себе жить. Как оказалось, у этого господина и его супруги не было детей, и они усыновили Петра.

А еще в доме алхимика выступал с докладом на собрании петербургских марксистов некий Владимир Ульянов. Как сложились дальнейшая жизнь и политическая карьера этого человека, рассказывать нет необходимости.

Драгомыслов неоднократно пытался усмирить Светлого целителя, даже приставил к нему пару сотрудников для постоянного наблюдения. Ведь за каждое нелегализованное воздействие Вильгельма Светлым приходилось расплачиваться ответными уступками для Темных. Дневной Дозор, понимая свою выгоду, никогда не выдвигал серьезных обвинений и довольствовался малыми отступными. Ведь это было для них золотым дном, неисчерпаемым запасом лицензий на охоту для вампиров и оборотней.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения петербургского Ночного Дозора, стала постройка Пелем башни. Точнее, не сама башня, а вызванные из недр Сумрака и привязанные к ней три грифона. Алхимик долго оправдывался перед шокированными дозорными, что сумеречные твари нужны ему для опытов и что, как только достигнет требуемых результатов, он сразу же снимет заклинания и вернет их обратно в Сумрак. Темные, присутствовавшие на допросе, злорадно ухмылялись и потирали руки в предвкушении разрешения на ответное воздействие вплоть до первого уровня.

После этого случая Драгомыслов придумал, как ему тогда казалось, гениальное решение и попросту учредил постоянный штаб в доме Пеля, надстроив и заняв целый этаж. С тех пор количество несанкционированных Светлых воздействий резко пошло на убыль, поскольку все свободные от дежурства сотрудники Дозора постоянно находилось рядом с Вильгельмом и не позволяли ему увлекаться.

И вдруг в один обычный осенний день без всяких на то причин Вильгельм, или, как его уже тогда называли на русский манер, Василий Васильевич, реморализовался.

Кто-то говорил, что на этот шаг его толкнули постоянное давление и контроль со стороны Драгомыслова и Светлых магов. Другие считали, что Вильгельм осознал и ужаснулся тому, сколько зла он невольно принес в этот мир своими необдуманными воздействиями, вынуждая покрывавший его долгие годы Ночной Дозор выдавать Темным лицензии на охоту. А были и такие, кто полагал случившееся результатом многоступенчатой интриги Завулона, руководителя московского Дневного Дозора.

Сам Геннадий Петрович склонялся к последней версии, считая ее больше всего походившей на правду. Ведь это в стиле великого Темного Иного: долгие годы доить Светлых на уступки, а затем смести с доски фигуру сильного Иного руками его же коллег. Как обстояли дела на самом деле, теперь уже вряд ли станет известно. Тень Светлого целителя канула в Сумрак.

Драгомыслова разжаловали и вместе с подчиненными услали в одну из отдаленных губерний, а на его место назначили Василия Яковлевича Макарова. И поскольку необходимости в постоянном контроле за погибшим Светлым целителем больше не было, офис Ночного Дозора в Квартале аптекарей на Васильевском острове опечатали, а новое представительство открыли в особняке на Стремянной улице, укрыв за вывеской «Общество народного просвещения». Но преемник Геннадия Петровича продержался на своем посту до июля 1914 года, пока не попал под заклинание «отпущенный век» и покинул Ночной Дозор, так как узнал дату своей смерти. А вскоре бывшие подчиненные Макарова оставили свои посты вслед за начальником[6 - Об этом периоде в истории петербургского Ночного Дозора вы можете узнать из рассказа Н. Желунова «Неофициальное расследование».]

Вновь пресветлому Гесеру пришлось морщить лоб и думать над тем, кого назначить на столь несчастливую должность. На этот раз выбор пал на Алексея Ивановича Дьяконова, единственного за всю историю Высшего Иного на посту главы Ночного Дозора Петербурга. И продержался в этой должности Дьяконов долго, почти пятьдесят лет. К тому же Алексей Иванович ухитрился совмещать руководство ленинградским Дозором с работой в горкоме партии и быстро продвигаться вверх по профсоюзной линии. Пока в конце октября 1962 года Дьяконов не отправился в составе советской делегации на Кубу, где и погиб от рук гомункулов Татетцакоатля[7 - Данные события описаны в романе Н. Желунова «Дозоры не работают вместе».]

Следующие три года Ночной Дозор обходился без начальника, а в ноябре 1965 года им и вовсе стало не до организационных вопросов. Два мощнейших вероятностных выброса на ингерманландских болотах вынудили официально объявить о приостановке деятельности ленинградских Дозоров, а их работников – покинуть город. А вслед за дозорными Ленинград и область покинули вообще все Иные. За исключением одного колдуна с Ямайки, инициировавшего Ленинград в середине семидесятых годов на Темную сторону.

Так и существовал Темный город-Иной без надлежащего присмотра вплоть до начала следующего тысячелетия. И как всякий заброшенный дом, заполонили его паразиты и дикие звери. Точнее, дикие Темные Иные, называвших себя Черными, не чтившие Договор и регулярно приносившие человеческие жертвоприношения. Из-за отсутствия местных Дозоров выводить паразитов в Санкт-Петербург приехали десятки сильнейших Темных практически со всего мира. В ходе столкновения вновь вспыхнули искры магической борьбы на Марсовом поле. Дикари были разгромлены в пух и прах, город развоплощен, а лидер бывшей группировки Черных стала работать в Инквизиции.

После этого грандиозного побоища Гесер и Завулон наконец-то предприняли первые шаги по возрождению полноценных Дозоров в северной столице. К сожалению, столичные интриги и проблемы мирового масштаба не способствовали быстрому решению вопроса. И еще целых два года Петербург оставался без укомплектованных штатов сотрудников, чем не преминула воспользоваться Инквизиция, захватившая, по сути, власть в городе после разгона банды Черных. Как итог – беспорядки и нападение Темных на штаб-квартиру Инквизиции в Михайловском замке. А потом еще возникновение на территории дворцового комплекса «Царское Село» аномалии, войдя в которую любой Иной возвращается в состояние «до инициации»[8 - Подробнее о событиях

в Царском Селе вы можете узнать в третьей части романа С. Лукьяненко и А. Шушпанова «Школьный Надзор».]

Вот тогда-то московское руководство Дозоров наконец-то зашевелилось. И с наступлением Нового, 2006 года на улицах Санкт-Петербурга появились Светлые и Темные Иные-патрульные.

Пресветлый Гесер не стал изобретать колесо и пригласил возглавить петербургский Дозор Геннадия Петровича. Во-первых, никто из Высших Светлых на эту роль категорически не согласился бы даже в приказном порядке. Проклятое место, отшучивались Иные, но в их глазах можно было заметить тень страха. Во-вторых, Драгомыслов хоть к этому времени уже и поднялся на один уровень, но это был его потолок в пределах уездного городка. И для дальнейшего роста и развития эта должность подходила ему как нельзя кстати. В-третьих, он единственный из руководителей Ночного Дозора Петербурга, кто до сих пор остался жив.

Драгомыслов отказываться не стал. И первым же делом вернул офис Ночного Дозора на прежнее место, в дом целителя Вильгельма Пеля. Свое решение он аргументировал так: во-первых, небольшой особняк, спрятанный в недрах исторического центра города, еще вмещал прежний штат сотрудников, коих насчитывалось всего пятеро, но совершенно не подходил для расширенного контингента. Во-вторых, незадолго до назначения Геннадия Петровича в доме с Башней грифонов случился двойной пожар. И пока пострадавшую от огня аптеку восстанавливали, Драгомыслов быстро и без особых хлопот смог продавить переезд в новый-старый офис на Васильевском острове.

Несомненно, главной изюминкой, привлекающей к офису Ночного Дозора в новом тысячелетии, являлась башня. Необычный вид и архитектурная изысканность этой дымовой трубы делали ее похожей на башню замка, как будто спрятанную от посторонних глаз внутри двора-колодца. Десять метров в высоту и два метра в диаметре, она служила превосходной вытяжкой для алхимической лаборатории Вильгельма Пеля. Вход в лабораторию давно был укрыт от людских глаз, алхимическое оборудование вывезли Инквизиторы и спрятали в недрах Михайловского замка, но туристы все равно продолжали приходить сюда каждый день и даже каждую ночь.

Байки и городские легенды до сих пор гласили, что башня была способна радикально менять судьбы людей в лучшую сторону, хотя Драгомыслов строго

следил за тем, чтобы ни один сотрудник не смел следовать по стопам алхимика Пеля. Особенно пристально он следил за Осипом Валерьяновичем.

Но дозорные даже и не думали ни о чем подобном. Хотя кое-какие хулиганские выходки себе позволяли. После переезда в новый офис у сотрудников появилась своеобразная традиция. Чтобы дежурство прошло спокойно, Светлые Иные, прежде чем отправиться патрулировать улицы спящего города, входили на первый слой Сумрака и разрисовывали башню цифрами. Цифры на кирпичках башни постоянно менялись, то появляясь, то исчезая. Недоумевающие жильцы дома лишь пожимали плечами и списывали все на причуды молодежи. Драгомыслов на проделки подчиненных смотрел неодобрительно и наверняка надавал бы по шее, если бы застал кого-то из сотрудников за этим занятием, однако поймать кого-то на горячем пока не смог.

Естественно, таинственные символы тут же вдохновили обывателей на создание новой городской легенды, которая гласила, что в определенные моменты цифры выстраиваются в код счастья. И если человек окажется перед башней в счастливый момент, его желание сбудется. Скоро в легенде появилось уточнение, что страждущему следует быть аккуратным со своими желаниями. Ведь тот, кто придет к башне со злыми намерениями, пожалеет о своих мечтах, потому что код счастья влияет только на судьбу того, кто просит. Скорее всего эта оговорка появилась с подачи сотрудников Дозора.

В конце концов Драгомыслову надоело тратить время на постоянный отвод глаз любопытствующим туристам. И дабы избежать возможного недовольства со стороны московского руководства, Геннадий Петрович позаботился о том, чтобы свободный проход к их офису был закрыт не только для посторонних Иных, но и для людей. И теперь во дворе аптеки Пеля можно было встретить лишь жильцов и их гостей. А парадный вход охранялся не только магией, но и суровыми сотрудниками ЧОПа.

Как раз мимо этих охранников сейчас и проходили оперативники, возвращающиеся с неудачного задержания.

– Привет, бойцы! – браво гаркнул дядя Саша охранникам.

– И вам не хворать, – ответили хмурые чоповцы, провожая вкатившийся во двор «уазик», за рулем которого сонно зевал Кирилл Батурин, штатный водитель

Ночного Дозора. На самом деле Кирилл не зевал, просто таким образом он активировал дежурное заклятие, отводившее взгляды охранникам и одновременно стирающее воспоминания о том, что они пропустили не числящийся среди местных автомобиль. После чего Батурин ловко припарковался у башни в центре двора и выбрался наружу. Вслед за ним из кабины выбрался дядя Саша, и они вместе распахнули задние дверцы кузова.

К машине уже спешили Осип Валерьянович и Женька, не забывшие прихватить с собой брезентовые носилки.

– Как он? – озабоченно спросил Гранкин целителя, наблюдавшего со стороны за тем, как оперативники аккуратно и сноровисто перемещают все еще бессознательного Илью из недр «уазика» на носилки.

– Жить будет, не переживайте, – поспешил успокоить коллег Осип Валерьянович, сканирующий ауру Золотухина. – Несите его в мой кабинет, дальше я сам справлюсь.

Гранкин, дядя Саша, Батурин и Женя взяли за ручки и в мгновение ока занесли носилки в дом. Шедший следом целитель остановился и посмотрел в одно из окон на третьем этаже. Света в окне не было, но Осип Валерьянович и без этого прекрасно видел замершего с другой стороны оконной рамы Драгомыслова.

– Не волнуйтесь, Геннадий Петрович, – тихо произнес целитель, – он парень крепкий, выкарабкается.

Темный силуэт в окне слегка кивнул в знак благодарности.

Глава 4

Домой я вернулся совершенно разбитым.

Мне нравились моя работа и моя жизнь. Но даже и в них иногда случались встряски, подобные побоищу, устроенному фанатами на матче накануне.

Открыв наконец банку пива и раскладывая на столе широкие сотейники, чтобы приготовить яйца пашот, я еще раз мысленно прокручивал в голове события на стадионе. Драгомыслов в ответ на мой отчет по телефону кисло рассказал, что поймать нарушителя нашим так и не удалось. Кроме того, попытавшуюся перехватить Темного оперативную бригаду Ночного Дозора тот раскидал словно щенков и ушел через второй, а быть может, и третий слой Сумрака. Да так лихо, что Илья Золотухин до сих пор отлеживался в кабинете Осипа Валерьяновича. Начальство подало жалобу в Дневной Дозор, а там пообещали разобраться и помочь в поисках виновного. А это, само собой, означало, что спешить они не будут.

Осторожно опустив предварительно разбитые яйца в едва закипевшую воду, закрученную сотейником в воронку, чтобы пошировать их по-французски, я вооружился шумовкой и засекал четыре минуты, выжидая, чтобы белок сделался плотным, а желток остался жидким.

Неторопливо «колдуя» над ужином, я продолжал размышлять. Полноценными составами Ночной и Дневной Дозор работали в Санкт-Петербурге сравнительно недавно. Причин для этого было немало. Сперва в Питере навел шорох Ямаец со своей сворой диких Иных, затем сам город чуть не стал Иным, но был развоплощен объединенной группой Высших Темных и Светлых Иных, выступивших единым фронтом под руководством Инквизиции. После этого многострадальную северную столицу отдали на откуп Инквизиции. Те еще времена.

Но тем не менее ситуация на стадионе не лезла ни в какие ворота. А Темный, однако, знал, куда пойти, чтобы напиться под прикрытием извечной ретивости футбольных фанатов.

По всему выходило, что Драгомыслов послал меня туда не просто для того, чтобы сделать несколько эмоциональных снимков. Тогда что? Чуйка? Заранее разгаданная провокация Темных, которую меня как бы невзначай послали задокументировать? Может быть. Ведь по всему выходило, что именно я должен был оказаться там и увидеть на вираже зенитовских болельщиков применение воздействия и возмущение в Сумраке, вызванное колдовством Темного Иного, спровоцировавшего фанатский вираж на беспорядки, – летали выдернутые с корнем кресла, дымили файеры, началась массовая драка и столкновение с полицией и ОМОНОм. Такого на футболе я не видел давно.

И все равно толку от меня пока было мало. Разве что помогут снимки. Может, среди прочего какая-то зацепка и попала в объектив.

Достав из воды дошедшие яйца, я переложил их в кастрюльку с холодной водой, чтобы остановить процесс поширования и смыть уксус. Затем образовавшиеся нити белка аккуратно срезал кухонными ножницами и поглядел на плоды своих трудов, выложенные на поджаренные тосты с ломтиками зелени. Затем сгреб грязную посуду в раковину и, открыв вторую банку пива, неторопливо принялся за еду, вкус у которой, по моему скромному мнению, был просто восхитительным.

Посмотрим, что удастся раскопать на снимках. Снимал я много, что-то да должно было засветиться в кадре. Да и этот непонятный пьяный тип в толстовке – может, что и разгляжу более детально. Покончив с едой, я провозился в студии какое-то время и таки смог разглядеть на снимках что-то более-менее конкретное. Даже перепроверил изображения в Сумраке.

Отложив наконец работу и допив пиво, я отправился на личный доклад к Драгомыслову. И тут вдруг напомнил о себе мобильный телефон. Взглянув на аппарат, я нисколько не удивился тому факту, что звонил шеф.

– А я как раз в офис собирался, Геннадий Петрович. Я тут снимки просматривал с матча и заметил одну деталь...

– Это хорошо, Степан. Расскажешь лично, как ты и планировал. – Голос шефа звучал устало и даже как-то немного отрешенно. – Только сперва проведай мать, ладно?

– Что?.. – Во рту у меня мигом пересохло. – С ней что-то случилось? Геннадий Петрович, скажите сразу!..

– Тихо ты, тихо! – поспешил успокоить меня начальник. – Ничего не случилось, извини, если я тебя невольюно напугал. Просто совестливо мне, что я тебя гоняю вовсю, к матери в больницу заглянуть не даю. Вот и решил исправить ошибку.

На сердце у меня сразу полегчало.

– Спасибо, Геннадий Петрович, – тепло поблагодарил я Драгомыслова, – спасибо большое. Я быстро, честное слово.

– Сдурел ты, Степан? Проведи с матерью столько времени, сколько нужно. А потом уже приходи в офис. Ну все, Оксане Алексеевне от меня привет передавай.

– Непременно передам, Геннадий Петрович, – еще раз поблагодарил я и нажал отбой.

Несколько месяцев назад в моей семье случилось несчастье, моей маме неожиданно диагностировали рак. Врачи делали все возможное, мы с моей младшей сестрой Светой мотались по всевозможным клиникам, но вердикт оставался неизменным – опухоль мозга была неоперабельна.

Хоть я и был Иным, но без особого разрешения не мог помочь. Светка тем более. Даже для того, чтобы хоть чуточку облегчить боль. От этого бессилия мне каждый раз хотелось на стены лезть, глядя, как мать угасает.

Светлане было двадцать два. Она училась на четвертом курсе журфака, просила иногда сделать репортажные снимки для своих статей. Тексты у нее были неплохие, Свету даже печатали в нескольких изданиях. В ней была та особая искорка, которая при упорстве и усидчивости помогает развить талант. Искорка Иной. Хоть и очень, очень слабенькой. Но все равно Свет в Свете.

За ней несколько лет ухаживал парень с ее же курса. Я как старший брат, конечно, ревновал, но это было естественное чувство. Витя был обычным человеком, хорошим парнем из интеллигентной семьи, нравился нашей маме. Да и мне в принципе тоже. Ребята хотели пожениться. Дело молодое.

Отца в нашей семье не было, родители развелись, когда мне исполнилось пятнадцать, а Света была еще совсем крохой. Я слышал версию, что мужчины чувствуют, что ребенок Иной, и уходят из семьи. Поэтому мы старались помогать матери как могли.

Я периодически пытался подавать запрос Драгомыслову на применение воздействия, чтобы вылечить мать, но начальник на все отвечал отказом, хоть я и видел, что ему было искренне жаль меня.

Сейчас мама уже вторую неделю находилась в клинической больнице имени Соколова, и, к нашему со Светой удивлению и радости, врачи начали говорить о некоторых улучшениях. Пусть и незначительных, но все равно это вселяло надежду.

Дежурили мы у мамы по очереди, приносили фрукты, журналы, которые она выписывала, да и просто ради того, чтобы посидеть рядом, поговорить, побыть с близким человеком. Сейчас у нее должна была находиться Света.

В палату я вошел очень тихо, но, как я и предчувствовал, мама еще не спала в отличие от сестренки, забравшейся с ногами в кресло рядом с больничной койкой.

– Привет, мам, – полушепотом сказал я, аккуратно поставив на пол два полиэтиленовых пакета с продуктами.

– Привет, Степушка. – услышался знакомый с детства голос. Слабый, но такой родной.

– Я не поздно? – на всякий случай спросил я и посмотрел на часы – вечерний обход уже вот-вот должен был закончиться. – Как ты? Я тебе фруктов принес, соков и марципаны, твои любимые. Как себя чувствуешь?

– Да ничего. Таблеток напилась, укол сделали, вот лежу, со Светой только о тебе говорили. Умаялась она со мной, уснула.

– Что врачи говорят, есть новости?

– Да что говорят, вроде поспокойнее стало. Но все равно без уколов побаливает.

Света наконец-то проснулась, посмотрела на меня и улыбнулась.

– Степка, ты чего пришел? Сегодня же моя очередь с мамой сидеть. Или я напутала?

– Да нет, все хорошо, – махнул я в ответ, – я на минутку к вам забежал, перед работой. Как наша подопечная?

Но за сестру, слабо рассмеявшись, ответила мама:

– Ваша подопечная, судя по аппетиту, идет на поправку.

Я изо всех сил хотел в это верить.

– У тебя у самого как дела, Степушка?

– Работы немного накопилось, как разгребусь, сразу приеду обязательно. Чего тебе привезти?

– Да ничего не надо, – привычно ответила мать, хотя мы оба прекрасно знали, что ни я, ни Светка никогда не навещали ее с пустыми руками. – Журналов разве каких.

– Журналы, отлично. Ладно, что-нибудь придумаю, – бодро ответил я.

– А как у тебя с работой? Фотографируешь что-то интересное?

– Да так, по мелочам, – уклончиво ответил я, невольно вспомнив про лежавшую в кармане пальто флешку с фотографиями погрома на Петровском. – Котиков, цветочки, облака.

– Ну хорошо. – Мама явно удовлетворилась таким ответом. – Главное, чтобы платили.

– Да куда они денутся, – улыбнулся я.

– Вы у меня умнички, – ласково сказала мать. – Вон какие выросли. Ты фотограф, Света журналистом будет.

Светка что-то фыркнула в ответ.

- Ну а еще чего расскажешь? - По голосу матери я понял, что она уже начинает уставать от разговора. - А чего не постригся до сих пор? Ходишь словно пугало огородное.

- Да все руки не доходят. - Я машинально провел рукой по волосам. - Успею.

- Ну и ладно.

В этот момент дверь в палату неслышно приоткрылась, и к нам заглянула миловидная медсестра.

- Извините, но Оксане Алексеевне уже пора спать.

- Конечно-конечно, - поспешно засобирился я. Поочередно поцеловал сестру и маму. - Мамуль, я скоро тебя навещу. Кушай и старайся побольше отдыхать.

- Да мне тут больше ничего другого не остается, - тихо усмехнулась мама.

- Целую.

- И я тебя. Не засиживайся долго.

- Постараюсь. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, Степа.

От разговора с матерью на душе стало тепло. Я смотрел на мелькающие за окном моего автомобиля освещенные ночными огнями улицы Питера и думал о том, что еще раз попробую упросить Драгомыслова выдать мне разрешение на вмешательство. Немного успокоив себя таким образом, я прибавил скорость и влился в неплотный уличный поток из машин.

По дороге к кабинету Драгомыслова мне навстречу попался Илья Золотухин, член оперативной группы дяди Саши, плечистый детина с простоватым лицом и ершистым, хоть и добрым характером.

– Жив, курилка! – радостно воскликнул я при виде коллеги. – Говорят, потрепал тебя Темный?

– Здорово, Балабаныч. – Он сдавил мою ладонь своей могучей пятерней. – Да стараниями Осипа Валерьяныча покопчу еще небо. Ты чего так рано-то?

Это для обычных людей поздний вечер являлся концом рабочего дня. А для нас, сотрудников Ночного Дозора, с наступлением сумерек работа только начиналась.

– Да вот как раз по делу того Темного хулигана зацепку нашел. Ну и еще... – Я стыдливо осекся, но Золотухин и так понял, о чем я еще хотел поговорить с шефом. О моих попытках последние месяцы подступиться к шефу знали все.

– А-а-а, – покачав головой и нахмурившись, протянул Илья. – Опять воздействие просить идешь.

– Иду, – согласился я. Золотухин застал меня на лестнице и стоял на ступеньку выше, массивной глыбой нависая над моей головой, хотя на самом деле мы были одного роста. Сейчас наши позиции меня слегка нервировали.

– Не даст он тебе, – привычно ответил Илья и положил руку мне на плечо. – Брат, ну ты ж сам правила знаешь. Да и не лекарь ты. Потерпи немного, может, оно само как-нибудь рассосется. Сейчас медицина стала о-го-го!

Он поднял указательный палец.

– Да куда уж там рассосется, – с грустью сказал я. Действительно, моих сил не хватило бы, чтобы самостоятельно вылечить мать. Но если бы Дозор получил право на воздействие, я бы обратился к нашему штатному целителю и заведующему медпунктом Осипу Валерьяновичу. Старому доброму Иному пятого уровня, из-за своего золотого пенсне и аккуратной бородки клинышком очень напоминавшему Чехова.

– Не кисни. У моего отца десять лет камень в почке сидел, а потом – бац! – сам и вышел. То-то.

- Может, в этот раз получится.

- Ну, дело твое. Ладно, бывай.

- Бизону и дяде Саше привет.

- Угу! - отвечал Илья уже спиной.

Мы разошлись, и я поспешил дальше.

В небольшой приемной Геннадия Петровича молоденькая секретарша Ляля поливала разросшийся фикус, стоявший в кадке у единственного окна.

- Привет, - поздоровался я и кивнул на дверь за секретарским столом. - У себя?

- Здравствуй, Степа, - оторвавшись от растения и поправив очки, улыбнулась Ляля. - Да, с самого утра. Сейчас по телефону разговаривает. Ты по делу?

- Да так, на пару слов, - уклончиво ответил я. - Мне не долго.

- Сейчас посмотрю.

Поставив зеленую лейку с вытисненным на боку пластмассовым цветком, она оправила блузку и, осторожно постучав, наполовину просунулась в дверь начальника. Что-то коротко спросив, прикрыла дверь.

- Можешь зайти, - негромко сказала она. - Он почти закончил.

Внутренне выдохнув, я взялся за изогнутую ручку, потянул на себя дверь и вошел в кабинет Драгомыслова.

Внутри царил привычный полумрак. Высокие окна закрыты тяжелыми шторами до пола, хоть и выходили во внутренний двор с Башней грифонов. Драгомыслов почему-то не очень жаловал низкое питерское небо, тусклый солнечный свет и зашторивался даже летом.

Хотя, может, он и открывал иногда окно, чтобы покурить – в помещении стоял тонкий запах дорогих сигарет, а пепельницы на широком длинном столе я никогда не видел. На нем помимо лампы в матовом абажуре, мягко приглушавшем свет, были только ноутбук и телефон, по которому Геннадий Петрович сейчас с кем-то вполголоса разговаривал.

Светлый маг четвертого уровня. Никто толком не знал, где именно шеф пережидал опалу после снятия с должности начальника петербургского Дозора в начале прошлого века. Поговаривали, что раньше Геннадий Петрович возглавлял Ночной Дозор то ли в Твери, то ли в Нижнем Новгороде.

Увидев меня, он сделал приглашающий жест, и я опустился в мягкое кресло на противоположном конце стола. Кабинет у нашего начальника был спартанским. На стены напирали высокие антикварные шкафы, за стеклом которых покоились всевозможные книги, различные предметы, силуэты которых загадочно проступали в полумраке, да в общем-то и все. Люстру под потолком на моей памяти не включали ни разу. Может быть, даже с момента возвращения Дозора в дом алхимика Пеля.

– Добро, бумаги я подготовлю, – наконец сказал Геннадий Петрович и, положив трубку, посмотрел на меня. – Ну здравствуй, Степа.

Невысокий человек лет пятидесяти, хотя истинного возраста его не знал никто. С простым, но волевым лицом, широкими надбровными дугами, чуть приплюснутым носом и внимательными глазами. Едва подернутые сединой короткие волосы аккуратно зачесаны назад, открывая широкий лоб, на котором появлялись морщины, когда начальник хмурился.

Одевался Драгомыслов хорошо и со вкусом – всегда носил аккуратную итальянскую тройку, стильный галстук с искрой и начищенные туфли.

Тип таких людей можно встретить в офисах банков или крупных компаниях, они всегда производят впечатление силы и властности. Хотя со своими сотрудниками Геннадий Петрович всегда держался открыто и просто, но бывал и строг.

– Здравствуйте, Геннадий Петрович, – поздоровался я.

– Рассказывай, с чем пришел, – положив руки на стол и сцепив пальцы, спросил шеф. – Как работа, идет?

– Идет потихоньку, – ответил я, понимая, что вопрос был формальным и Драгомыслов прекрасно знал, зачем я пришел. – Только вот...

– Опять за маму пришел просить, – покачал головой начальник, и я не выдержал.

– Почему вы не можете мне выдать право на воздействие? – От переполнявшего меня волнения я подвинулся почти на край кресла.

– Мы с тобой какой раз уже это обсуждаем, Степан, – спокойно ответил Геннадий Петрович. – Ночной Дозор может получить право на вмешательство определенного уровня только в результате определенных событий. Но и Дневной Дозор в ответ получит такое же право. И как они его могут использовать, подумал?

Конечно, я думал об этом тысячу раз.

– Ты Светлый Иной и не можешь ставить свои личные интересы превыше других. Да, я понимаю, это жестоко, но право на такой шаг мы можем получить только в том случае, если где-то напортачат Темные, понимаешь?

Я понимал.

– Но все же...

– Нет никаких «все же», Балабанов. – Драгомыслов встал из-за стола и пошел ко мне, ведя кончиками пальцев правой руки по лакированному дереву. – Мне нравится ваша семья, ты же знаешь, но я правда ничего не могу поделать.

Он остановился напротив меня и присел на край стола.

– К тому же я слышал, что ей становится лучше, разве нет?

– Да, врачи говорят, что есть улучшения, но незначительные... А вдруг что-то случится? В любой момент ведь может. Это же такая болезнь...

- Непредсказуемая, – согласился Геннадий Петрович.

- И неизлечимая, – тихо закончил я. – А Осип Валерьянович мог бы помочь.

- Степан, мы с тобой на эту тему уже сколько раз говорим? Я и считать-то уже перестал. Месяц, два?

- Три.

- Три. И за это время что-то изменилось?

- Но... – Я в очередной раз с горечью понял, что проиграл. – Это же мать.

- Только в случае нарушения со стороны Темных, – твердо ответил Драгомыслов. – Ты говорил, что у тебя есть зацепки по футбольному хулигану? Вот и давай, поймай этого Темного. Не для себя поймай и не для меня, а для своей матери. И тогда мы стрясем с Дневного компенсацию. А по-другому сейчас я не могу. Прости. Все, что я тебе сейчас могу посоветовать, как и во все прошлые разы, почаще будь с ней, навещай. Глядишь, и выкарабкается. Чудеса иногда случаются.

Я усмехнулся. Из уст такого человека слова про чудеса звучали чуть ли не издевкой. В голове вспомнилась недавняя встреча с Золотухиным на лестнице и фраза про его отца, у которого сам по себе вышел камень. Я ощутил отвращение и злость. И еще большее бессилие. Почему это все происходило именно со мной?

- А если их спровоцировать? – сквозь зубы проговорил я.

- Ты что, Светлый! – опешил начальник. – Ты думай, что и кому предлагаешь-то.

- А в чем же тогда заключается наше предназначение? – не выдержал я. – Мы же воины Света, мы должны сеять добро.

- У каждого своя война. У людей своя, у нас наша. Иди, Степа, работай. – Геннадий Петрович наклонился и положил мне руки на плечи. – Пойми, эта участь ждет практически всех Иных – и Светлых, и Темных. Я тоже в свое время

потерял и отца, и мать. Я тогда почти такой же, как ты, был. Молодой, идейный, горячий. Много воды утекло с тех времен. Крови еще больше. Мы другие, пойми. Рано или поздно, со временем каждый из нас, из таких, как ты и я, вынужден кого-то терять.

Набравшись смелости, я посмотрел ему в глаза. Глубокие, карие, умные глаза старого мага, который, конечно же, знал и прожил больше меня. Я вспомнил отца, который нас бросил. Может, в Драгомыслове я видел его? Наставника, который указал бы путь, когда кажется, что во тьме больше не осталось света.

– Это несправедливо, – тихо сказал я.

– Это не нам решать, – покачал головой Геннадий Петрович и повторил: – Нам нужно работать.

– Для чего? – Я почувствовал, как внутри зашевелилось что-то нехорошее.

– Ты поймешь. Не сразу, но со временем. Со временем, – повторил он. – А теперь показывай, что ты нашел на своих фотокарточках.

Глава 5

– Смотрите, Геннадий Петрович. – Я достал из кармана карту памяти и протянул начальнику, взглядом предлагая вставить ее в соответствующий разъем в ноутбуке на рабочем столе. – В основном каталоге откройте папку «Петровский».

Драгомыслов послушно выполнил мои указания и махнул рукой, приглашая сесть на стул рядом с ним. На экране ноутбука появились изображения трибун, заполненных болельщиками с сине-бело-голубыми флагами. Шеф звонко щелкал кнопкой беспроводной «мышки», просматривая кадр за кадром.

– Промотайте чуть дальше, – нетерпеливо попросил я.

– Вот на этой фотографии у тебя горизонт завален, – неуместно хихикнул Драгомыслов.

– Геннадий Петрович, я бы попросил без комментариев, – сердито буркнул я в ответ, но в душе улыбнулся. Вот за что люблю нашего шефа, так это за то, что всего одной фразой он может снять царившую после тяжелого разговора о моей маме в кабинете напряженную атмосферу тоски и отчаяния. Я моментально настроился на рабочий лад и преисполнился желанием как можно скорее отыскать футбольного хулигана-Темного.

– Вот! – остановил я начальника. – В верхнем левом углу. Увеличьте масштаб и приблизьте.

– Сейчас... – задумчиво отозвался Драгомыслов, обводя клавиатуру ноутбука задумчивым взглядом.

– Позвольте мне, Геннадий Петрович?

– Да пожалуйста! – фыркнул шеф и пододвинул в мою сторону ноутбук с «мышкой». Думаю, его компьютерная малограмотность была вещью напускной, и в случае необходимости он мог использовать даже тостер для взлома серверов Пентагона, возникни такая нужда.

Найдя то, что было нужно, я продемонстрировал шефу изображение, на котором Темный Иной был запечатлен в момент, когда он единственный раз попал в кадр стоя в полный рост.

– Видите, Геннадий Петрович, он что-то держит в руках?

– Вижу, Степан, вижу.

В руках у Темного был четко виден некий стеклянный предмет, закупоренный сверху и снизу металлическими или скорее медными крышками. Внутри стеклянной колбы находился моток проволоки или ниток, источающий неровное алое сияние.

– Как думаете, что это может быть? Артефакт?

Драгомыслов ненадолго задумался, после чего покачал головой и ответил:

– В который раз поражаюсь я этой твоей особенностью, Степан. Вот как, как тебе удастся запечатлеть на фотографии проявления магии? Ведь ни у кого, кроме тебя, не получается. А поверь мне на слово, многие пытались! – Геннадий Петрович задумчиво постучал пальцами по поверхности стола. – Ладно, об этом мы позже еще поговорим. Вернемся к более насущным вопросам. Надо бы, конечно, сходить в подвал, в архив, но там сейчас Юля важные изыскания проводит. Так что придется тебе довольствоваться электронной копией текста.

Я непроизвольно поморщился, а шеф беззлобно рассмеялся. Он знал о моей нелюбви подолгу читать текст и что для поиска нужных мне материалов я приноровился использовать простенькое поисковое заклинание, которое не только моментально находило нужные отрывки текста, но и переносило информацию напрямую в мою память. Правда, в последний раз я переусердствовал со слишком частым применением заклинания и весь следующий день ходил квелый, словно с похмелья.

– Так, посмотрим, – Драгомыслов вновь завладел ноутбуком и принялся копаться в папках на рабочем столе, – раздел «Иные и наука». Где-то здесь должно быть. «Коктейль Саушкина», «Музыка Михальчука», «Чемоданчик Гранина»[9 - Подробнее о «Коктейле Саушкина» читайте в романе С. Лукьяненко «Сумеречный Дозор», о композиторе Михальчуке – в романе С. Лукьяненко и Алекса де Клемеше «Участковый», а о чемоданчике Гранина – в романе Алекса де Клемеше «Сын Дога».]... Почему не в алфавитном порядке файлы рассортированы? А, вот, нашел! Садись, Степан и читай.

Шеф вернул мне ноутбук, и на экране я увидел простой текстовый документ, озаглавленный «Катушка Теслы». Я принялся изучать файл.

«Многие ошибочно считают (в основном благодаря Светлому Иному седьмого уровня, сотруднику будапештского Ночного Дозора по имени Чаба Орош и его пятитомной энциклопедии «Все об Иных, именуемых вампирами»[10 - Историю написания энциклопедии «Все об Иных, именуемых вампирами» вы можете узнать в романе С. Лукьяненко «Шестой Дозор».] Николу Тесла вампиром. Это утверждение правдиво лишь отчасти. Тесла действительно был потенциальным Темным Иным, но от инициации отказался. И иницировать его пытались сотрудники нью-йоркского Дневного Дозора, а не Элеонора, супруга тогдашнего президента Рузвельта (как опять же ошибочно принято считать благодаря энциклопедии все того же Ороша).

Тесла был известен не только как изобретатель в области электротехники и радиотехники, но и как ярый сторонник существования эфира – особой формы материи, поддающейся использованию в технике. Конечно, мы с вами понимаем, что в основу своих исследований эфира Тесла заложил собственное видение Сумрака потенциальным Иным...»

– Геннадий Петрович, – обратился я к шефу, – а это правда? Ну, насчет восприятия Сумрака неиницированными Иными? Я думал, для них это закрытая книга.

– Как бы тебе попроще объяснить... – Драгомыслов откинулся на спинку своего кресла. – Для многих потенциальных Иных Сумрак недоступен, тут ты прав. Но есть и такие, кто чувствует его на некоем интуитивном уровне. И не только потенциальные Иные, но и простые люди. А уж если это ученые... Ты, Степан, возможно, думаешь, что технический прогресс в мире тормозила обычная инквизиция, но это не совсем так. Наша Инквизиция тоже приложила к этому немало усилий. Все тот же Тесла потрепал им немало нервов. Помню, лет сто назад в Париже, когда он делился с общественностью своими открытиями, меня пригласили на проходившее там же в то же время заседание специальной коллегии Инквизиции с участием Темных и Светлых.

– Ого! И это собрание созвали из-за пусть и потенциального Иного, но все же человека, Николы Теслы?

– Отчасти он был одной из причин. Но Иных тогда волновал весь технический прогресс. Понимаешь, в тот момент люди с помощью научных достижений вплотную приблизились в своих возможностях к магам и ведьмам. Радио, синематограф, автомобили и аэропланы. Постепенно люди получали в свои руки власть над окружающим пространством, сопоставимую с нашей. И это особенно не нравилось Темным. Говорили, что они пытаются использовать открытия людей в своих целях. Поэтому за Теслой так пристально следили. Но хватит исторических справок. Чего ты там копаешься? – заворчал вдруг Драгомыслов. – Разучился быстро читать? Ничего ты, Степан, без заклятий своих не можешь! Шестая страница, второй абзац снизу.

Я лишь рассеянно кивнул в знак благодарности и прокрутил колесико «мышки», отыскивая нужный фрагмент.

«Незадолго до своей смерти Тесла принял заказ, присланный ему через подставных лиц от Дневного Дозора. Результатом этого заказа стал своеобразный гибридный артефакт, сочетающий в себе индукционную катушку и амулет для сбора и длительного хранения человеческих эмоций. Но за несколько дней до сдачи проекта тело Николая Теслы было обнаружено горничной и директором отеля «Нью-Йоркер». На двери его номера висела специальная табличка, требующая не отвлекать изобретателя от работы. До сих пор остается неизвестным, выполнил ли гениальный ученый свой последний заказ. Так как представители Дозоров и Инквизиции не смогли обнаружить прибор ни в гостиничном номере, ни среди вещей в мастерской».

Я оторвался от экрана ноутбука и посмотрел на начальника.

– А куда же делась «катушка»?

– Долгое время, Степан, это была одна из загадок истории. Большинство считало «катушку Теслы» мифом. Признаюсь честно, до сегодняшнего дня я был в числе скептиков и полагал, что ученый попросту не смог изготовить столь сложный прибор. – Геннадий Петрович хитро улыбнулся. – А теперь промотай в самый конец файла, там есть черновые наброски чертежа «катушки».

Поспешно выполнив указание начальника, я буквально не поверил своим глазам. Фотография – хотя, скорее, это был отсканированный рисунок – отличалась не только хорошим качеством, но еще и тем, что чертеж был выполнен в цвете. Я с недоумением смотрел на рисунок, точь-в-точь изображающий предмет, который я заметил в руках Темного Иного на стадионе.

– Дела... – протянул я, глядя то на рисунок, то на шефа.

– Ага! – кивнул тот в ответ. – Ядрена копоть, как любит выражаться наш коллега.

– И какие наши дальнейшие действия?

– Нам следует проявить осторожность, – шеф даже понизил голос, – у нас на руках есть и мыслеобразы оперативников, столкнувшихся с футбольным хулиганом на «Адмиралтейской». Есть твои фотографии, но мы ими воспользуемся только в исключительном случае, если прижмет. Как я уже говорил, светить твой маленький талант перед Дневным Дозором я не

собираюсь.

От этих слов мне сделалось не по себе. Почему шеф так старательно хочет укрыть от Темных мою способность фотографировать в Сумраке и запечатлевать на снимках остаточные проявления магии? Надо будет подумать над этим на досуге.

– Подумаешь, Степан, обязательно подумаешь. – Драгомыслов явно читал мои мысли. – Ой, делать мне больше нечего, в голове у тебя постоянно копать. Не имею такой привычки, не Темный. У тебя и так все на лице написано вот такими буквами.

Шеф широко развел руки в стороны, демонстрируя высоту гипотетического шрифта.

– В общем, у нас есть чем прижать этого гада. Осталось дело за малым. Поймать и задержать. Ну а после предъявим претензию Дневному Дозору и стрясем с них воздействие первого уровня. Слышишь, Степа? Все будет хорошо. Только для этого нужно поработать. Уяснил?

– Уяснил, – кисло ответил я.

– Все, задачу я тебе поставил. Марш с глаз моих долой.

Забрав протянутую шефом карту памяти, я поднялся и поспешно покинул кабинет начальника.

– Не вышло? – с сочувствием посмотрела на меня Ляля, разбиравшая файлы в глянцевого папках, когда я закрыл за собой дверь.

– Не вышло, – согласился я.

– А хочешь, чаю попьем? – Видя мое настроение и оживившись, девушка вскочила из-за стола. – У меня перерыв как раз, только чайник поставила, а Юлька из аналитического печенье сегодня принесла, с клюквенным джемом. А?

Чаю не хотелось. Вообще ничего не хотелось.

– Ты хорошая, Ляля, – улыбнулся я. – Но не сегодня, ладно? Уверен, печенье вкусное. Вы лучше с девчонками посидите, больше достанется.

Девушка зарделась румянцем, проступившим на густо напудренных щеках. Комплимент явно пришелся ей по душе. Хоть кому-то сегодня я сделал приятное.

– Не грусти, – сказано это было с таким лицом и таким тоном, с каким обычно сюсюкаются с карликовыми собачками.

– Не буду, – соврал я. – Пока.

– Увидимся, Степа.

В голову будто налили свинца. Спустившись по лестнице, никого на этот раз не встретив, я тяжело навалился на массивную парадную дверь и вышел на улицу.

Пошарив, нащупал в кармане полупустую пачку сигарет. Несмотря на нервозность, курить не хотелось. Неужели бросаю?

Смежив веки, я глубоко вдохнул. Легкие наполнил влажный осенний городской воздух с примесью бензина и запахом листвы. Немного полегчало, но на душе все равно было тяжело. Я сделал несколько шагов по улице, но куда идти, так и не придумал. Неуклюже переступив ногами, я чуть не вступил в широкую лужу и посмотрел вниз.

– Не грусти, – будто бы сказало колеблющееся небо в мутной воде.

– Не получилось, – сам себе ответил я и, перешагнув лужу, пошел по проспекту.

??*

Обжигающие словно угольки капли дождя катятся мне за воротник, моментально промочив насквозь пиджак и рубашку. Не в силах терпеть внезапную боль, я опрометью срываюсь с места и ищу укрытия под узким козырьком над крыльцом ближайшей ко мне парадной. И вновь только в этот

момент понимаю, что это тот самый дом, въезд во двор которого украшен изображением саламандры.

И стоило мне остановить свой взгляд на каменном изваянии мифической рептилии, как тело саламандры зашевелилось. Судорожно виляющий хвост, сыплющаяся на асфальт гранитная крошка и алое сияние из глаз и пасти чудовища.

– Он придет за тобой с юго-востока...

Я, как и прежде, стою перед пышущей жарким пламенем широко распахнутой каменной пастью и не могу сдвинуться даже на миллиметр. Мышцы мои одеревенели, я не мог даже сомкнуть глаза, чтобы воспользоваться последним шансом Иного – поймать взглядом тень от своих ресниц, поднять ее и нырнуть в Сумрак.

Затем, как всегда, саламандра произносит слова, и вырывающееся из ее пасти пламя окутывает меня с ног до головы. И на этот раз, несмотря на то что я тонул в собственном крике боли и отчаяния, я смог расслышать вторую фразу:

– Он принесет спасение...

Тело мое вспыхивает словно факел и осыпается горсткой пепла на мокрый асфальт.

??*

Первое странное предчувствие я ощутил проснувшись. Непонятное, но очень сильное. На вампирский зов не похоже. Да и кто бы стал охотиться на Светлого мага моего уровня, да еще утром. Но какая-то тревога все равно ощущалась.

Чтобы отогнать мрачные мысли о маме, да и раз уж камера была с собой, я решил пойти в город.

День выдался погожий, и я просто брел по улице с плеером в ушах, подыскивая что-нибудь для съемки.

Странное ощущение, которое я испытал утром – что что-то должно было случиться, снова прокралось в мысли и не хотело отпустить. Непонятная тревога, предчувствие чего-то нехорошего. В Сумраке тоже все вроде бы было спокойно.

Да что же такое, в самом деле. Иные особо не отличаются всяческими суевериями, но к предчувствиям относятся внимательно. На вампирский зов это не было похоже, да и никакой манящей мелодии, кроме гремевших в наушниках «Ступеней», я не слышал.

Тут было что-то еще.

Если ты видишь меня не намеренно,

На земле между морем и берегом...

...Да говорить и спрашивать нечего

Не возлюби во мне ведьму и женщину

Не верь ребятам с рогами и нимбами

Не раздевай меня фотоснимками.[11 - Группа «Немного Нервно» и А. Чеширский, песня «Восхождение». Автор слов Екатерина Гопенко.]

Вынырнув из собственных мыслей, я огляделся. Ноги вынесли меня на Петроградку, и я двинулся в сторону Кронверкского проспекта.

Заметив поднимавшиеся над домами пилоны соборной мечети, я перешел на другую сторону улицы.

На дворе царил октябрь, и у мусульман был один из важнейших праздников – день Арафат. Когда-то один фотограф-Иной уже снимал его в далеких тридцатых, когда над Россией еще не грянул гром фашистской оккупации. Эти снимки хранились у меня в архиве. Совпадение?

Я задержался. Возможность была любопытная, поскольку выпадал шанс сделать в том же месте снимки спустя столько лет. Они могли пригодиться для моей экспозиции, которую я хотел посвятить Петербургу.

Огромное количество верующих тянулось к мечети-джами, чтобы весь день замаливать грехи и славить Аллаха. Праздник как праздник. Платки, одежда, дети...

Я достал из сумки фотоаппарат, поймал на мостовой свою тень, отбрасываемую тусклым осенним солнцем, и ступил в Сумрак, оглядывая иным взором горожан, стремящихся к полностью покрытому синим мхом зданию мечети. Здесь, на первом слое, потускневший город дышал эмоциями.

Хотя и без Сумрака Питер всегда был для местных серым, но со временем перестаешь обращать на это внимание. Разводные мосты, гранитное очарование Невского, сады и дворцы, вся эта открыточная радость для туристов была для коренных питерцев обыденностью. Но как объяснить зачарованному приезжему, что в белые ночи невозможно нормально спать, когда на город и без Сумрака опускалась тусклая серая пелена. Город спустя столетия продолжал жить своей, неподконтрольной и невидимой своим обитателям жизнью. И нам приходилось волей-неволей с этим считаться. Он умел приманивать к себе, но его расположение нужно было заслужить.

Оказавшись в сумеречном мире, я еще раз проверил свои ощущения. Смутное предчувствие тревоги не оставило. Подняв камеру, я сделал несколько снимков мечети, привлеченный необычными узорами покрывавшего ее мха, досыта напитанного эмоциями. Хорошо же тут разрослось.

Счастье, грусть, зависть, обида или ревность... Привычная палитра эмоций и ощущений, которые испускали смертные. Обычные ауры самых обычных людей, которые по-прежнему верили в чудеса.

Будучи практически бессмертными, Иные не признавали никаких богов ни одной из мировых религий. Какой смысл выдумывать кого-то для своего спасения, если и так живешь вечно. Но Иные к причудам смертных относились с пониманием. Пусть верят. Надеются.

Выйдя из Сумрака, я устроился в сторонке, установил штатив и, взглянув на мечеть через объектив, сделал несколько фотографий.

Вид не испортили даже быстро идущие мимо здания молоденькая девушка в легком полупальто, держащая за руку карапуза, грызущего карамельку.

Наоборот, они выглядели по-особому трогательно, дополняя композицию. Мать и сын. В этом было что-то умиротворяющее.

Ну, добро пожаловать в кадр.

Еще немного постояв и глянув, как последняя молельщица, закутанная в хиджаб, скрылась в мечети, я снял фотокамеру со штатива и, положив ее в сумку, направился дальше.

В кармане зазвонил мобильник.

- Не дал? - сразу спросила Света, когда я нажал кнопку ответа.

- Не дал.

- Ладно, не грусти, может, образуется.

- Как она?

- Спит. Я на кафедру побежала. А ты?

- Так, мотаюсь.

- Не кисни.

- Ты тоже.

- Пока.

Я сбросил вызов и засунул трубку в карман пальто. Светкин оптимизм придал мне уверенности.

Я еще долго гулял по городу и много снимал, а вернувшись в свой подвальчик, стал печатать фотографии, терпеливо ожидая, пока они с жужжанием ползли через фотопринтер.

И сразу понял, что хочу вернуться к мечети, чтобы попробовать снять ее еще раз через Сумрак, полностью окутанную мхом. Уж больно сюрреалистично выглядело это здание с иной стороны мира. Может получится пара хороших фотографий, которые можно будет где-нибудь выставить, выдавая за авангард.

Никаких звонков не было, и вечер прошел спокойно.

Глава 6

Следующим утром встав спозаранку и для разнообразия прихватив пленочный «Зенит» с несколькими дополнительными объективами, я направился обратно на Кронверкский проспект и, устроившись на другой стороне улицы, спокойно фотографировал до полудня.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сергей Михайлович Прокудин-Горский – русский фотограф, химик (ученик Менделеева), изобретатель, издатель, педагог и общественный деятель. Пионер цветной фотографии в России.

2

Дзига Вертов – советский кинорежиссер, один из основателей и теоретиков документального кино. Обогатил кинематограф множеством операторских приемов и техник, включая методику «скрытая камера». Его фильм «Человек с киноаппаратом» часто называют величайшим из всех документальных фильмов в истории.

3

Подробности об инициации и развоплощении Иной сущности Санкт-Петербурга вы можете узнать из романа В. Васильева «Лик Черной Пальмиры».

4

«Грядка» – компания болельщиков на трибуне.

5

Скам – так на сленге фанаты называют мусор, который они бросают в соперников.

6

Об этом периоде в истории петербургского Ночного Дозора вы можете узнать из рассказа Н. Желунова «Неофициальное расследование».

7

Данные события описаны в романе Н. Желунова «Дозоры не работают вместе».

8

Подробнее о событиях в Царском Селе вы можете узнать в третьей части романа С. Лукьяненко и А. Шушпанова «Школьный Надзор».

9

Подробнее о «Коктейле Саушкина» читайте в романе С. Лукьяненко «Сумеречный Дозор», о композиторе Михальчуке – в романе С. Лукьяненко и Алекса де Клемешье «Участковый», а о чемоданчике Гранина – в романе Алекса де Клемешье «Сын Дога».

10

Историю написания энциклопедии «Все об Иных, именуемых вампирами» вы можете узнать в романе С. Лукьяненко «Шестой Дозор».

11

Группа «Немного Нервно» и А. Чеширский, песня «Восхождение». Автор слов Екатерина Гопенко.

Купить: https://tellnovel.com/ru/averin_igor/nevskiy-dozor

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)